

18+

Андрей Киров

Сказка про доброго дракона

Андрей Сергеевич Киров
Сказка про доброго дракона.
Сказка для взрослых

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48780490
ISBN 9785005084736*

Аннотация

Это сказка про дракона с добрым сердцем, непохожего на своих сородичей-драконов, который по возрасту был послан Сообществом драконов для проживания рядом с селом людей, чтобы каждый год кушать девушку для стабилизации своей драконьей сущности, но этот молодой дракон есть её не стал, а влюбился, и что дальше из этого получилось. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Сказка про доброго дракона	5
Глава первая	5
Глава вторая	30
Глава третья	65
Глава четвёртая	115
Конец ознакомительного фрагмента.	123

**Сказка про
доброего дракона
Сказка для взрослых**

Андрей Сергеевич Киров

© Андрей Сергеевич Киров, 2021

ISBN 978-5-0050-8473-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказка про доброго дракона

Сказка для взрослых

Глава первая

Жил-был на свете дракон. Звали его Власик. Такое непривычное в среде драконов имя дала ему при рождении мама. Видимо, сразу, как Власик родился, почувствовала в нём необычного ребёнка, непохожего на других. Что и подтвердилось в дальнейшем.

Внешне Власик был очень уродлив. Как и все его братья-драконы. Чешуйчатый, острые клиновидные зубы и когти, пасть как у крокодила, раздутые миндалевидной формы ноздри, крылья с перепонками и так далее. Такой, каким драконов рисуют в книжках для детей и изображают на барельефах и полотнах в странах Юго-Восточной Азии. И, как все драконы, умел извергать из пасти пламя и казаться свирепым: раздувать ноздри, шипеть, щёлкать зубами, издавать трубные, приводящие в ужас звуки, эффектно бить крыльями по воздуху и хвостом по земле. Хвост тоже был настоящий, драконий, с треугольными острыми костистыми наростами на конце. Но в душе Власик был добрый, с тонкой чувствующей душой и даже временами сентиментальный. Мог

растрогаться при виде распускающегося цветка, любил лирические стихи и никогда не обижал маленьких. Тут уж мама не ошиблась, когда его родила, высказав предположение, что он будет белой вороной среди драконов. У неё было ещё семь детей-драконят: пять мальчиков и две девочки – младшие братишки и сестрёнки Власика. Он был самый старший из них. А папа их бросил, когда увидел, что неспособен прокормить такую ораву и даже алименты в виде натурального продукта платил нерегулярно. Такой папа-дракон, плохой пример для подражания подрастающему поколению. Часто ругался с мамой, курил табак и много пил крепкого вина под названием «Вырви глаз».

Когда Власику исполнилось двадцать пять лет (год совершеннолетия у драконов: эти летающие рептилии жили до трёхсот лет), мама ему сказала:

– Власик, ты уже стал взрослый! Тебе пора жить самостоятельно, поселиться в пещере рядом с деревней, где живут люди. Они тебя будут бояться и тебе поклоняться, платить дань каждый месяц в виде домашней живности – птицы и скота, о приемлемом количестве договоришься со старостой посёлка или деревни, и один раз в год – это самое главное – жители будут приводить тебе на съедение – число выберешь сам – девственницу. Третьего дня прилетал дракон-почтальон, ты сам был свидетелем, вот официальное письмо из Совета драконов, тут и адрес написан, где пещера, в какой тебя определили жить... Я тебе сразу не стала говорить...

Мама была у него мудрая драконья мама, даже редкая шерсть на голове у неё завивалась колечками, посмотрела на сына печальными любящими глазами, подёрнутыми поволокой. Власик повертел в лапах конверт, зачем-то понюхал его, прочитал распоряжение, написанное на тонком папирусе, сунул в пасть, пожевал, скривился и выплюнул.

– Фу, какая гадость! А зачем, мама, нужно есть девственницу? И что это такое – девственница? Ты мне ничего прежде не рассказывала о них. И как они выглядят? Может, это какие-нибудь абракадабры уродливые! А их ещё нужно есть. Ты же знаешь, какая у меня тонкая душевная организация. Я видеть не могу, когда ты отрываешь голову индейке или глухарю, а потом потрошишь ножом, вырезаешь ливер, у меня внутри всё переворачивается, а тут какую-то девственницу придётся кромсать ножом... Я же не какой-нибудь садист – Джек-потрошитель! Вдруг эти девственницы страшнее крокодилов бенгальских! – Власик, как и все молодые драконы, себя уродливым не считал, а наоборот – очень привлекательным молодым «человеком», в смысле драконом, и чешуйчатая кожа у него местами отливала нежным изумрудным цветом, что считалось у драконов большой редкостью, тем более он был из древнего аристократического драконьего рода.

– Такова традиция в отношениях между людьми и драконами, сынок, – ответила ему мама. – Уже на протяжении многих тысяч лет так заведено, чтобы молодой дракон один

раз в год кушал человеческую девственницу. Это увеличивает в дальнейшем его долголетие, силу и мудрость. Потому что мы – драконы. Таково наше племя. Триста тысяч лет назад наши предки прилетели со звёзд, люди тогда ещё были в диком состоянии: жили в пещерах и земляных норах, охотились на мамонтов, динозавров и бизонов и ели их мясо прямо сырым. А мы их научили скотоводству, как ловить и приручать диких животных, свиней и баранов например, жарить на сковородке мясо с картошкой и луком, подарили колесо и научили делать вино из ягод. Люди так обрадовались этому дару, когда в первый раз выпили настоящего ягодного вина, что подписали договор каждый год отдавать сильному одинокому дракону девственницу на съедение, потому что у таких дев энергоресурс чистый, как вода в горном источнике, кровь молодая и мясо нежное, омолаживает драконов-мужчин и даёт новые силы и смысл к существованию. После того как поживёшь десять лет – поешь девственниц, их чистая сильная энергетика окончательно стабилизирует твою иммунную систему и энергомолекулярную решётку, вплоть до третьего уровня, которая под воздействием этого светила имеет слабые звенья. Это даст твоему организму на всю жизнь генетическую стабильность. Потом пройдёшь обряд посвящения в Общество взрослых драконов, тебе найдут девушку-дракона, обвенчают по нашим законам, заведёшь семью, как твой отец, тогда уже девственниц есть не надо и требовать дань с деревни, о таком драконе-моло-

дожёне и его семье начинает заботиться Верховная лига драконов. Кстати, обряд посвящения будет проходить в главном городе – крепости Драконвилле. Ты же хочешь туда попасть? Все юные драконы мечтают там оказаться. – Мама помолчала немного, вздохнула и продолжила свой рассказ: – А вообще-то, сынок, наши предки-драконы, когда прилетели из созвездия Драконмайгеров, другими были... Такими же по внешнему облику, как люди, только выше раза в три, сильнее, умнее и могущественнее... Правда, уже тогда у них были хвосты и зачатки чешуйчатой кожи синевато-фиолетовых оттенков. Это уж потом, через сто тысяч лет, мы мутировали, произошли странные изменения внешнего вида под влиянием этой звезды: основательно покрылись затвердевшей, как железо, чешуёй, вытянулись морды, выросли крылья, а также зубы и когти, изменив форму. К тому же за следующие пятьдесят тысяч лет мы утратили больше половины знаний, что привезли в толстых фолиантах со звёзд, в борьбе за выживание на этой планете, хотя и не такой по климатическим условиям суровой. Существуют предания, что наши звёздные предки много сменили планет, прежде чем нашли эту и, увидев, что она пригодна для нашей жизни, обосновались на ней... А тут ещё местное население приняло нас за небесных богов – ну, мы этим и воспользовались... – Мама помолчала немного и добавила: – Не беспокойся, сынок, среди человеческих девушек есть очень даже хорошенькие. Настоящие красавицы! И жители из местной деревни должны при-

водить дракону красивую девушку... Хотя это не правило, там сам договоришься... Главное, чтобы она была настоящая девственница – чистая девушка, а не шлюха какая-нибудь, на какой клейма негде ставить... Прости меня, Всевышний Дракон, за то, что выражаюсь...

Власик даже покраснел. Такие слова мама папе говорила: «Опять к этой шлюхе летал!» – когда они ссорились, а папа ей в ответ отвечал, когда был пьяный: «Это твои подруги – шлюхи, а Абигайль, она не такая!...»

– И чтобы ты её кушал с удовольствием, – продолжала мама, – а то – и в этом главный секрет – толку никакого не будет от этого ритуала.

– Но ты же знаешь, мама, – перебил её Власик, – что я добрый и у меня вообще есть человеческую – как ты сказала? – девственницу, пусть даже красавицу, нет никакого желания! Тем более, мама, ответь мне на вопрос: а что такое... а, девственница, а не девственница? И что такое шлюха? Давно у тебя хотел спросить. И чем они отличаются друг от друга? Я даже не то что девственницы, вообще никакой не видел человеческой девушки... Один раз в лесу, в дальнем, какая-то уродливая старуха грибы собирала: ну до чего страшна... Тётя Рахель, что к нам в гости прилетала в прошлом году, и то симпатичнее будет, а уж страшнее дамы я не видал! А ты мне говоришь, что их ещё есть надо! Да у меня, если такую приведут, похожую на эту любительницу грибов, – я её, кстати, напугал маленько, высунулся из кустов, она свою

корзинку потеряла и бежать, и так резво, надо признаться, мне потом, правда, стыдно стало, – пропадёт аппетит не то что съесть девственницу, а и на остальные продукты. Ты же меня прекрасно знаешь!

– Ну это, сынок... – мама запнулась и погладила Власика лапой по голове, потом улыбнулась и добавила: – Сам узнаешь, что такое девственница... А уж что такое шлюха... Таким словом люди называют девиц, потерявших невинность до замужества... Грязная падшая девка – полный антипод девственницы! Отличаются они по поведению. Девственница, как правило, скромная девушка, ведёт себя с достоинством, не курит, не пьёт, не ходит в ночные клубы в надежде снять богатенького стерильного дядю, чтобы потом облупить его, как луковицу, в смысле денег. И мужчин у неё не было ни одного до замужества. А после замужества один мужчина – её муж. На всю жизнь большая и чистая любовь! А у шлюхи мужиков как грязи, сегодня с одним, завтра с другим, все мысли: выйти замуж за богатенького квазимоду, чтобы не работать, а только шататься по магазинам, массажным салонам и ночным клубам! Такая ляля – развязная, бесстыжая, плюнь в глаза – всё божья роса. Она делает пошлые намёки мужчинам, что она всегда готова раздвинуть ноги, только своди в ресторан, прокати на автомобиле, купи дорогой подарок, а лучше приплати деньгами, также красит лицо специальной краской – она косметикой у людей называется, как арлекин в шапито, чтобы смешить публику – у людей

есть такая забава. Она дымит сигаретами как паровоз, пьёт пиво и вино как последняя алкашка, если танцует, то непристойно виляет задницей, которая чуть ли не видна из-под короткого платья или юбки и каковой она похабными движениями подаёт сигналы потенциальному факеру или жирному стерильному спонсору с деньгами, кто из них быстрее отреагирует. Если тебе такую подсунут в деревне, откуси сразу старосте голову! И скажи ему: «Ещё раз, педрила дырявый, подсунешь мне такую отстойную лоханку, съем тебя вместо неё на обед!» Съесть для молодого дракона шлюху – это хуже, чем заболеть заразной болезнью. У такой шалавы, особенно из городища, тело отравлено ядом от многочисленных партнёров: она с их грязных болтов чёрной энергетикой пропитывается... Вся их энергетическая грязь скапливается в её теле. И если дракон съест такую порченную девицу, то начинает болеть, хиреть и умирает в страшных мучениях... А в городищах, за Заколдованной Стеной, что отделяет Наш мир от Их, говорят, жениться на шлюхах, то есть девушках, утративших невинность и чистоту до замужества, – обычное дело у тамошних аборигенов! Особенно у богатых стерильных бичунов разного толка: бизнесменов, деятелей искусств, политиков. Поэтому они – жители городов, особенно мегаполисов, то есть очень больших, гигантских, набитых многоэтажными коробками (домами) человеческих районов, – алчные, завистливые, сребролюбивые. Деньги для них – бог на Земле, постоянно воюют друг с другом за природные ресурсы

и энергоресурсы, чтобы потом на наворованные и нечестным путём сделанные деньги понтоваться друг перед другом, хвастаясь самыми красивыми шлюхами друг перед другом... в общем, до бровей накаченные ядом жён, а также до кучи пивом, вином и водкой, как твой папаша, что нас бросил, скотина беспонтовая, тоже, наверное, нашёл себе какую-нибудь поблядушку – вино вместе пить и заниматься грязными утехами! – Мама неожиданно оборвала свой страстный монолог-обвинение, словно опомнилась, что наговорила лишнего, и, посмотрев на Власика особенно нежным взглядом, в котором как бы был зашифрован смысл фразы: «Всему своё время придёт, сам узнаешь, почём фунт лиха».

Власик не стал надоедать маме расспросами, хотя, конечно, ничего не понял, мало того, что он был добрым драконом, он ещё и любил свою маму и жалел её, наблюдая изо дня в день, как ей тяжело приходится с ними. Поэтому он не стал ей больше возражать – там видно будет.

– Хорошо, мама, пусть будет так, как ты говоришь. – И в этом молодые драконы были намного мудрее в юном возрасте своих сверстников из племени гомо сапиенс (кстати, это драконы придумали такое слегка презрительное и чуть-чуть ироничное прозвище для людей, а те, приняв это за чистую монету, и рады, что они такие; это ещё сказано у Геродота, ссылающегося на одного мыслителя 36 века до н. э., тесно общавшегося с одним из потомком атлантов, он у них в Шумерии жил последние годы), они никогда не спорили

со старшими товарищами и не возражали, а, наоборот, уважали и относились с должным пиететом, и конфликта поколений как такового у драконов не было.

Мама собрала сыну с вечера кожаную сумку с лямками как у рюкзака, наполнив её необходимыми предметами домашнего обихода. Она всю ночь не спала, ворочалась, переживая, как её старший сын теперь будет жить один. Не спал и Власик, испытывая лёгкое возбуждение от мысли о новой, непонятной самостоятельной жизни, но под утро всё-таки крепко уснул, и даже мама его не будила, запретив его братишкам и сестрёнкам шуметь и бегать в дальнюю спальню, чтобы они дали как следует отдохнуть Власику, ведь «он сегодня нас покидает».

Проснулся Власик, полный сил, в полдень – солнце уже высоко стояло над лесом, в этот час, как правило, даже замолкают птицы и не квакают лягушки, не ухают лешие в болотах – чтут послеобеденный отдых.

Власик поел с аппетитом, а аппетит у него, как у молодого дракона, был зверский, попрощался с мамой, братишками и сестрёнками, а самой младшей – Геле, у которой ещё только начали отрастать крылышки, он вытер слёзы платком – она заплакала, когда узнала, что Власик их покидает, и, обвив его ногу своими маленькими лапками, не хотела отпускать.

– Не плачь, Гелечка, – утешил её старший брат, – вот вырастешь, научишься летать – жду тебя в гости!

– Сынок, – сказала мама на прощание, – залети сначала к дяде Плезиору – он живёт на восточном побережье моря, его пещера под скалой, посоветуйся, как лучше обосноваться на новом месте, и пусть он тебе объяснит подробнее, куда держать курс, а то в папирусе я что-то не поняла, куда надо лететь. Он должен знать: твой дядя в курсе всех новостей и знаком со всеми драконами в радиусе пяти тысяч драконьих миль (1 драконья миля – 3 километра. Справочник по местам обитания драконов, А. Т. Милля, 113647 год до н.э.).

До дядиной пещеры, где он жил, Власик летел шесть часов лёту при средней скорости драконьего полета с тремя остановками и приближался уже к месту, где жил родственник под скалой, нависающей над водой у моря, когда начало темнеть. У драконов был свой сигнал, если возникали сложности с местонахождением или другие проблемы: своеобразный свист, какой они подавали, чтобы их слышали другие драконы, находящиеся в зоне слышимости, свист исключительно драконий, который они никогда не путали с другими лесными звуками, издаваемыми его обитателями, будь то птичий гомон, пересвист, клёкот, щелканье и так далее. Власик как раз вылетел из леса с вековыми нетронутыми человеком деревьями, уже начинало смеркаться, и, когда заметил знакомую по описанию мамы скалу, такую своеобразную, в виде гигантской улитки, вставшей на – в конкретном случае «на ноги» не совсем точное сравнение – нижнюю

часть своего улиточного туловища, её ни с чем нельзя было спутать, а за ней темнело море, он на всякий случай свистнул и через короткие промежутки ещё два раза. Через три минуты получил ответный свист. И туда полетел с радостной мыслью, что он на верном пути, не заблудился, не сбился с дороги и сейчас увидит родственника, тем более лететь было всего минут пятнадцать.

Дядя его, ещё не старый дракон с жёлтыми навывкате глазами, жёлтым брюхом и пожелтевшими от возраста клыками, очень обрадовался, когда увидел племянника.

— А я как раз вышел из пещеры, — говорил он, радостно хлопывая молодого дракона по шее и поворачивая туда-сюда, когда Власик спланировал прямо ко входу в пещеру и они с дядей облобызались, — глянуть, будет ли дождь, небо начало темнеть после обеда, и в этот момент услышал наш свист, думаю, кто это пожаловал ко мне в гости? А ну-ка, дай я тебя хорошенько рассмотрю! Да ты входи-входи в дом, не стесняйся! — И когда они переступили порог и оказались в просторной, стильно обставленной комнате с вычурной мебелью и факелами, чадящими по стенам, кого-то позвал: — Дракоша, смотри, кто к нам пожаловал!

Мама Власика успела ему рассказать, что дядя живёт с легкомысленной женщиной — она ей сразу не понравилась, когда её увидела в первый раз, и жили они даже не в законном браке: у драконов в то время с этим было строго, в смысле мораль, свободные отношения между драко-

нами-джентльменами и драконами-дамами не приветствовались... хотя слишком строго и не осуждались в том случае, если от таких свободолюбивых пар появлялись на свет драконята.

Из дальней комнаты, когда он стал оглядываться, вышла молодая симпатичная черноволосая дама-дракон с красивым изумрудным ожерельем на шее и подкрашенными глазами и губами, приветливо улыбаясь Власику. На ней был надет розовый халат с вышитым на спине шёлковыми чёрными нитками драконом – подарок сестры, та жила в аррондисмане, населённом жёлтыми людьми с узкими глазами, у них драконы считались как божества, и драконам жилось там очень хорошо и вольготно: кормили, что называется, на убой, девственниц навалом, и прочей живности не жалели. Самый населённый аррондисман уже в то время насчитывал не один миллион жителей с жёлтого цвета кожей по последней переписи населения в 142318 году до н. э. К тому же каждому нравится, когда тебя считают за бога... (Ну, в крайнем случае за идола-исполнителя популярных песен.)

– Дракоша, – представилась весёлая дама, обняла племянника дяди и по-свойски поцеловала в щёку (у драконов так принято при встрече близких «людей» или близких твоему бойфренду).

– Власик, – скромно ответил юноша-ящер и покраснел, вспомнив, что ему мама говорила про девственниц и шлюх; по поведению подруга дяди явно подходила под вторую ка-

тегорию, хотя мама и говорила про человеческих самок, поэтому Власик и покраснел, тем более что она ему понравилась.

– Да ты не стесняйся, – подбодрил племянника дядя, заметив, что тот сконфузился, и истолковав это по своему, – сними свою сумку, брось куда хочешь, проходи, садись вон в кресло, устал, наверное! Сейчас будем ужинать. Дорогая, – обратился он к своей драконьей женщине, – собирай на стол, он, наверное, проголодался!

– И то верно! – засуетилась Дракоша, когда Власик сел в роскошное мягкое кресло, с удовольствием наблюдая за дядиной жизнью и пожалев, что нет мамы и братишек с сестрёнками – вот они были бы удивлены!

Когда хорошо поужинали и выпили драконьей настойки «Вырви глаз», расположились на мягких диванах в гостиной – беседовать на семейные темы, и дядя сказал:

– Тебе теперь можно выпить вина, ты стал взрослым, только смотри этим не увлекайся, как твой отец.

Власику нравилось в пещере у дяди. По стенам были развешаны всякие диковинные штучки.

– Вот лампа Олбандина из настоящей бронзы, – объяснил дядя, увидев, что Власик заинтересовался, – отлита бичунгемскими мастерами в 184 году до третьего ледникового периода, а это коготь потокракского великана, которого победил один из наших предков, – с гордостью объяснил он племяннику, показав на портрет одного из них, написанный

неизвестным мастером-человеком из деревни; такой свирепый с виду, дракон оказался его пращуром, с нависшими густыми чёрными бровями над жёлтыми глазами.

Ещё на столиках и этажерках лежали толстые фолианты и свитки из настоящей кожи брабантского вепря и много других предметов неизвестного назначения и свойства. Даже какой-то непонятный механизм, придуманный людьми, как объяснил дядя, стоящий на круглом столе в центре комнаты прямо посередине, чуть слева от него китайская ваза с красивыми цветами. Непонятный прибор состоял из крутящихся шестерёнок, но если присмотреться внимательнее, они не были связаны друг с другом: даже человеку несведущему было понятно, что это один механизм. Колёсиков и шестерёнок было много, разного размера, у Власика даже закружилась голова, когда он пригляделся к ним поближе. Прибор издавал равномерное жужжание, словно специально все шестерёнки выработали свой звук. Для чего был этот прибор, в чём его назначение, анкл (дядя) Власика и сам не знал, но мастер-изобретатель, тоже человек (старый ящер ему в своё время оказал услугу), сказал, что это сингулярный модуль времени, позволяющий менять временно-пространственную проекцию текущего бытия, и что ещё человечество не готово к его применению, а драконам оно без надобности. «Пусть лучше у тебя будет, к тому же его без ключа всё равно не запустишь в работу...»

Власик ничего не понял из слов дяди, но ему вообще было

очень хорошо смотреть на эти непонятные предметы и штучки и всё убранство в пещере, тем более в камине так уютно трещали дрова и шло тепло, что он готов был заснуть прямо в кресле – сказала усталость от перелёта. Но Дракоша принесла ещё ликёра, вино они – две бутылки – выпили за ужином, в основном дядя и выпил, если не считать выпитого Власиком фужера, и то у него закружилась голова, и два фужера... нет, три выпила подружка дяди, сказав ему при этом, что ему и так будет много в одну драконью морду выпить, и разожгла камин. Откуда-то лилась приятная музыка, что-то типа негритянского блюза, только в изначальном прокласическом варианте. Очень ему всё это нравилось, и с каждой минутой всё больше и больше. К тому же дракоша, улыбаясь, накинула ему на ноги тёплый плед, и стало вообще по-настоящему в кайф... О большем Власик и не мечтал. «Вот бы найти такую пещеру и обустроить её, – мечтательно подумал Власик, – завести Дракошу, чтобы так мило улыбалась, ухаживала, накрывая мне озябшие ноги после утомительного путешествия, разжигала камин, и чтобы не есть девственниц, а заниматься каким-нибудь интересным значительным делом». Мама сказала, что дядя у них в некотором роде учёный: пишет историю драконов с момента их прилёта на Землю. Недаром же у него столько книг на полках.

Власик, когда они остались с дядей наедине поговорить как взрослые мужчины – дядя Дракошу отослал, вспомнил, что ему мама говорила про девственниц и шлюх и наивно

стал расспрашивать дядю. Дядя же расхохотался и сказал:

– Моя сестра имеет такую привычку всё утрировать и драматизировать. И всё гораздо сложнее, а девственницу ты сам почувствуешь интуитивно, это только люди-полумутанты за Заколдованной Стеной женщин не чувствуют и не понимают, им что девственница, что шлюха, особенно когда пьяные, да и не приведут тебе порченную девицу, в этом плане жители посёлков весьма щепетильны и дорожат своей репутацией, тем более это серьёзное нарушение договора: у такой деревни или посёлка могут быть большие неприятности.

На что Власик сказал, что у него нет никакого желания есть ни девственницу, ни шлюху, ни какую другую деву рода человеческого и вообще терроризировать бедных жителей посёлка, и не может ли дядя пристроить его куда-нибудь в такое место, если где есть свободная пещера в лесу, подальше от глаз людей, и где в изобилии водятся дикие птицы и животные, а добывать пропитание он сам себе научится, к тому же у него есть кое-какие навыки: один раз, совсем недавно, здоровенного кабана собственными лапами поймал и приволок в пещеру – все были очень рады, и мама похвалила, говорит, что он настоящий охотник, может семью прокормить, не то что его отец – забулдыга и бабник.

На это дядя ему ответил, что ему, как молодому дракону не следует нарушать традицию, предки всё-таки не дураки были, раз установили такой закон для молодых драконов.

– Кстати, если тебе моя сестра не сказала, то это такой за-

кон, записанный пером, который не вырубить даже топором, подписали драконы и люди в 258637 году до н.э., когда молодые драконы для окончательной стабилизации генетической структуры (своей сущности) направляются только в те деревни, посёлки и маленькие городки, где рождаемость человеческих самок превышает рождаемость самцов. Там и происходит отбор лишних единиц гомофеминусок на съедение дракону для, так сказать, биологического равновесия полов, потому что женщины, как вторая половина биологического вида, сильнее мужчин и рано или поздно начинают вытеснять, давить противоположную сегрегацию гомов, как случилось в одном районе ещё до подписания договора. Одни дамы жили, с горя и отсутствия качественного мужского внимания матриархат придумали, на лошадях скакали с луками, а когда туда делегацию послали, они приехали, посмотрели, кто там живёт в этом селении, ёлки-палки лес густой – одни бабы: страшные, мужеподобные, ходят в штанах из грубо выделанной кожи, все стриженные, как мужики, а то и вообще лысые, морды протокольные, в татуировках и кольцах, и так-то страшны, как смертный грех, да ещё и разрисовали демоническими знаками, курят сигары, которые сами делают, крутят из листьев, пьют крепкий алкоголь, который сами гонят, общаются исключительно бранными словами, и сами свирепые, как дьяволы. Так они этих делегатов сбросили со скалы в море, оставили только одного молодого, для продолжения их мужененавистнического племени... И говорят, затра-

хали, он умер через год от потери мужской сущности... Так что мы, можно сказать, являемся естественными регуляторами их человеческого вида... Понял? Поэтому не утруждай себя самоедством: поживёшь один, поешь девственниц, возмужаешь, помотришь на людей и что это за существа такие, а потом, когда придёт время, женишься на достойной девушке из драконьего племени, определит тебя Совет драконов в нужную ячейку драконьего сообщества согласно твоим наклонностям, тем более только по истечении нескольких лет у молодых драконов начинают просыпаться тайные способности и таланты, да и то не у всех. А пока ты молодой, только и умеешь извергать из пасти пламя, производить впечатление на людей, они за это драконов очень почитают и боятся за такие дешёвые эффекты, и этим надо умело пользоваться, люди по своей природе легкомысленны и жаждут развлечений вкупе чтобы кого-нибудь уважать и бояться, быстро ко всему привыкают и смиряются, если это не ложится тяжким бременем на их плечи... Главное – вовремя уметь производить впечатление, не забывая при этом изображать на физиономии нужную мину, согласно ситуации, раздувать ноздри и говорить грозным командирским голосом, а самое главное, как я уже сказал, выбрасывать из пасти мощный огонь, чтобы у людишек, присутствующих при этом, екало в печёнках. Через какое-то время жители деревни привыкнут к тебе и уже сами не смогут жить без тебя. Деревня, у которой есть собственный дракон на содержании, пользуется заслу-

женным уважением, к тому же дракон служит лучшей защитой для жителей от всяких негодных людишек и жангрузов: головорезов, мерзавцев, разбойников. Но уж и тебе, если дело повернётся такой стороной, нельзя падать лицом в грязь, а вести себя достойно и смело. Бояться надо только настоящих богатырей – витязей, у них профессия такая – убивать драконов... Да ты не беспокойся, настоящих таких крутых ребят уже двести лет не видать, куда-то исчезли; говорят, последних из них за стену переманили в мир городов, населённых полумутантами, для выравнивания и оздоровления генетической наследственности... – Такие советы дал дядя племяннику. Дядя с грустью вздохнул каким-то своим мыслям. И добавил: – Я бы сам сейчас, веришь, с радостью стал бы работать драконом на содержании у посёлка, но, к сожалению, старый стал, ни летать не могу, ни извергать пламя... Так что, молодой «человек», нельзя нарушать заведённого хода вещей, а тем более установленные обычаи и законы сообщества...

И тут Власик не стал спорить с дядей, как и с мамой.

– Только в этой должности, – добавил дядя, – есть свои нюансы...

– Какие?

Глаза у Власика опять загорелись от любопытства.

– Во-первых, не надо наглеть...

– Как это?

– Не повышать ставки. То есть вовремя суметь распознать

и взять под контроль свои разгорающиеся амбиции, тщеславие и исключительность. Когда договоришься со старостой о приемлемой дани – сколько они тебе в начале каждого месяца смогут приносить домашней птицы, овец там или чего из крупного рогатого скота, на месяц, то очень важно держаться на этом уровне и держать данное слово... А то в одном уезде, я слышал, тоже устроился дракон, с виду комплекции неважной, а потом как начал жрать с каждым годом, а потом и декадой, всё больше и больше и девственников, уже начал требовать не одну, а сразу чтобы староста приводил по две-три, уж больно, говорит, мясо у них нежное, мне понравилось, растолстел, что даже из пещеры вылезти не мог, жителям той деревни кормить его стало не под силу, снарядили посланников жаловаться в Драконвилл в Совет драконов: «Дайте нам другого, а этого толстопуза заберите, объедает нас со страшной силой». Пока там решали суть да дело, какие-то лихие люди – отпетые головорезы с большой дороги – прознали, что дракон в этой деревне, её охраняющий, стал неликвидный, ночью подкрались к его пещере и, пока тот дрых, подперли кольями дверь, а самого сожгли, бросив перед этим в его жилище пучок соломы, говорят, кричал тот очень громко, а потом деревню разграбили... Но самое главное – мой тебе совет, – продолжил дядя наставления племяннику, – договорись со старостой, чтобы на съедение тебе приводили не очень красивую девушку... А в идеале – дурнушку...

– Почему? Мама мне как раз говорила наоборот.

– Потому что красивые самки человеческие обладают гипнотическим даром охмурять и привораживать особей противоположного пола, а потом делать из них что хотят – полных идиотов и придурков. Мужчины у таких дев, у кого они жёны, как жалкие марионетки в их руках, они над ними как хотят, так и чудят... Это касается не только их мужчин, а вообще самцов животного мира... Кстати, среди людей в последнее время начали распространяться слухи, что мы – драконы – отнюдь не высшего происхождения существа, чьи предки прилетели со звёзд, а, несмотря на нашу мудрость и разум, тоже относимся к животным, к отряду, так сказать, звероящеров летающих кровожадных... Ещё люди говорят, но это только слухи, был в одном дальнем уезде у самой границы с Заколдованной Стеной, я бы сказал фантастический случай... – дядя оглянулся на дверь комнаты, где была Дракоша. – Там один молодой дракон вляпался в такую историю, мало не покажется... – дядя ещё раз оглянулся на дверь и, понизив голос, сказал: – Говорят, что тот дракон, вот как и тебя, его только что командировали из южных краёв с не очень устойчивой тектонической платформой, когда ему из городка (ему достался маленький такой уютный городок с колокольней, ратушей, аптекой, танцполом и пивным ресторанчиком) староста в назначенный день привёл девственницу писаную красавицу, так этот зелёный юнец, вместо того чтобы её сразу съесть, угораздило его влю-

бился в свою жертву...

– И чего?! – У Власика аж зашевелились перепонки за ушами, так стало интересно, как рассказывал дядя.

– Начал жить с ней как с женщиной...

– А что значит жить как с женщиной?

В глазах у старого ящера заискрились «просроченные модули».

– Ну, это... – Дядя отхлебнул ликера и вообще снизил голос до шёпота: – Долго рассказывать, сам потом узнаешь, когда придёт время. Так вот, этот недоросль паутинный после того, как начал жить с девой человеческой как с женщиной, стал деградировать как дракон, как индивид в высоком смысле. Разучился извергать пламя, издавать устрашающие звуки, летать, и крылья у него со временем отвалились, лапы с когтями приобрели форму ног и рук как у людей, из посёлка ему перестали приносить дань каждый месяц, пошёл работать смотрителем маяка, чтобы со своей подругой не умереть с голоду, она-то вообще... её родители не приучили к работе. Потом случилось ещё непоправимое положение дел... Эта дама начала рожать ему детей, каких-то гибридов-мутантов, хотя они и выглядели вполне как дети от человеческой самки. То есть полностью похожи на человека. Даже намёка не было ни на хвост, ни на крылья, ни на вытянутую драконью морду. Какой позор для дракона! Говорят, он ей по праздникам дарит цвэ-ты, а она его называет – ты только прикинь – позорище вдвойне! – «очарова-

тельным пупсиком»! Где это видано, чтобы настоящие драконы – краса, гордость и летающий ужас с пламенем из пасти, от каких содрогаются в страхе все районы с человеческим населением, даже в некоторых округах, где живёт дракон, громко не говорят тамошние жители, боятся его разгневать, – чтобы драконы дарили какие-нибудь ромашки или анютины глазки человеческим самкам, пусть даже самым отпетым красавицам!

– Да не слушай ты его! – из двери неожиданно появилась дядина подруга. – Твой анкл собирает всякие сплетни по округе! Дай лучше отдохнуть молодому человеку, видишь, он устал с дороги, глаза слипаются, спать хочет!

– И в самом деле, чего это я, – вдруг стушевался дядя перед своей не совсем чтобы законной половиной, – иди отдохнай, юный друг, тебе завтра предстоит долгая дорога!

Власику, как воспитанному интеллигентному дракону, ещё хотелось поговорить на эту тему, узнать, что это такое: городища, Заколдованная Стена, за которой находятся эти самые городища. Столько он сразу нового узнал от дяди, а мама ничего не рассказывала, но он не стал возражать, чтобы продолжить приятную беседу, и послушно пошёл отдыхать, можно сказать, почти тётя его проводила в комнату для отдыха. Уже закрывая дверь, услышал от дяди:

– Так что понял моего совета, чего я тебе сказал относительно человеческих самок? Скажи старосте, чтобы приводил каких пострашнее! И даже если некрасивую приведет,

ни в коем случае не разговаривай с ней: девицы бывают коварны, умны и хитры, а тем более ты такой у нас не от мира сего, не зря, значит, сестра писала, что добрый и мягкий. Они в момент тебя раскусят – сразу ешь, даже солью, перцем и корицей не посыпай! Понял, да? Ну всё, иди отдыхай, а то завтра тебе предстоит дальняя дорога, ещё дальше, чем ко мне. Это хорошее место, куда тебе дали направление, когда к нам залетел дракон-почтальон, рассказал, какую тебе деревню Совет определил, подходящее для тебя место. Село большое и богатое, так что если правильно себя поставишь, будешь как у Главкдракона за пазухой. Со старостой, смотри, будь построже и не поддавайся на его лесть и сюсюкания.

Наутро Власик, и в самом деле хорошо выспавшись, позавтракал, Дракоша ему положила в сумку жареного поросёнка, плодов хлебного дерева и полпирога с уткой: «Бери, бери, пока долетишь – проголодаешься!», хотя молодой дракон стал отказываться. После того как дядя подробно объяснил, в какую сторону лететь, попрощался с ними и стартовал с гладкого огромного валуна, что-то типа мини-аэродрома: дядя его придумал для гостей, когда прилетали, на него приземляться очень удобно. Власик подумал: «Если хорошо устроюсь, надо такой же сделать».

Глава вторая

– Итак, народ, – сказал староста, обращаясь к собравшимся на базарной площади односельчанам, – у меня есть для вас одна, но очень неприятная новость! – Взял паузу для лучшего эффекта, наблюдая реакцию людей. Реакция не заставила себя ждать.

– Ну говори, не томи душу, – сказал кузнец, стоявший в первом ряду.

– К нам летит дракон – едрит-твою налево!

Староста был, звали его Пантелеймон Спиридонович, с хитрыми глазами, среднего роста, плотный кряжистый мужик с густой, пшеничного цвета бородой и такого же оттенка волосами на голове, стриженный под скобку – сметливый и умный чел сорока четырёх лет, иначе его бы не выбрали на такую ответственную административную должность. Одет в домотканную льняную рубаху с вышитыми петухами и синие вытертые штаны, называемые за Стеной джинсами – подарок одного залётного полумутанта, заправленные в яловые сапоги, смазанные гусиным салом.

– Вчера дракон-почтальон сбросил конверт с заказным письмом, запечатанный сургучом, где в нём сообщалось, что на Совете драконов вынесли постановление на основании «Распоряжения от 16 октября 116667 года от гибели последней техноцивилизации» о том, что для незанятых драконом

деревень, посёлков городского типа и маленьких городков с населением от пятисот до пяти тысяч человекоединиц, с заметным превышением женской горизонтали, к нам командируется молодой дракон со сроком проживания на десять лет... Всё путём, могу даже показать телеграмму, если кто не верит!

– Давно пора, – раздался из дальних рядов чей-то голос, – а то развелось вертихвосток, лишние уже, девать некуда, ходят по деревне, томятся от воздержания!

В толпе раздался смешок и возмущённые женские восклицания вроде:

– Да тебя, Петька, самого давно пора дракону скормить.

– Да пошёл он за кудыкину гору, – сказал Прохор, молодой гончар третьего разряда, только весной сдал на переаттестацию, известный на всю деревню своим задиристным и драчливым нравом, – пойдём и отрежем ему крылья и ещё кое-чего – ещё нам тут не хватало этой напасти!

Тут разом все загалдели, поднялся шум, кто из селян пришёл на площадь в субботу, которая так же служила по воскресеньям ярмаркой, а собралось много народу, около трёхсот человек, староста накануне мальчишкам сказал пробежаться по домам, дескать, завтра будет срочное собрание; особенно женщин было много (их на всяких собраниях всегда бывает больше, чем мужчин), и шум и гам, конечно, они создавали в основном.

– Сейчас, отрежешь ты! – крикнула молодая красивая сол-

датка Афросинья, известная своим острым языком и у которой муж погиб на войне с живоглотами из внешнего мира, – только девок мастер щупать по сеновалам!

В толпе засмеялись, но не так чтобы очень громко и весело, а скорее по инерции и сдержанно: народ переваривал совсем не радостную информацию.

– Ну что ж, раз летит, будем думать, что из этого нам ждать, какой напраслины, – сказал кузнец вторую фразу.

Первую он сказал сразу после старосты: очень физически сильный селянин сорока восьми лет по имени Вакул, отец двенадцати детей, три взрослые старшие дочери вместе с ним пришли. Дочери, значит, их имена: Маша, Даша и Настя. Все, как назло, девственницы, девушки чистые, и все – ну что ты будешь делать с нашими русскими женщинами – дивно хороши собой. Маша – типичная русская красавица с голубыми глазами, огромными, словно два крохотных кусочка неба застряли у неё в глазах, такое создавалось впечатление, если смотреть в них и видеть, вот какими глазами наделили её маманя с кузнецом, высокая, статная, с пшеничного цвета волосами, заплетёнными в косу до самой попы, с настоящей грудью четвёртого размера без всякой силиконовой дряни, какую ставят себе городские страшилки, чтобы впечатлить состоятельного крюшона. Даша под стать Маше – она была старшей, в национальном наряде – сарафане, и волосы тоже длинные, отдают в медь, а глаза зелёные, что даже Вакул, когда смотрел на неё, мысли крамольные закра-

дывались в голову: «А моя ли это дочь?» Ну и Настя, только что восемнадцать лет исполнилось, сёстры были постарше на два и три года, эта девица вообще полный отпад по женской красоте, даже Вакул обалдевал: «Вот это дочь у меня, откуда только такие берутся». Не верилось ему, что так хорошо поработал. Это была не просто красавица со всеми параметрами супермодели, но не такимидохлыми, как в современном мире, а поплотнее, она была первая модница на селе. Как привозил местный лавочник модную одежду, какую носили модные девушки из городищ, как только он её доставал непонятно (контрабандой?), в коротком платье чуть выше колен и туфлях на высоком каблуке от Джимми Сю – такой модный сапожник жил в районе, где проживала жёлтая нация, и бельё такое женское – срам – вся женская сущность видна как на ладони; почтенные селяне ругали лавочника: «Что ты за срамные тряпки привозишь нашим дочерям?» И ещё в ней было что-то такое ярко индивидуальное, что даже отец с матерью не могли понять что. Только в глубине души чувствовали, что с такой дочерью можно ждать чего угодно: их дом уже осаждали женихи с десяти близлежащих деревень и даже один бургомистр прилетал на собственном птадраконе (низший разряд драконов-дегенератов – позор племени: спившихся, деградировавших и не обладающих никакими способностями и талантами, положенными по статусу дракону, и служащих у людей, в основном богатых и обладающих властью в Их мире, в качестве летательных аппара-

тов – такое им наказание придумали на Совете драконов) из дальней области и намекал кузнецу, что может его младшую дочь хорошо выдать замуж за одного очень богатого человека в Главное Городище за Заколдованной Стеной. Там они его цивилизацией называют, у того десять нефтяных вышек, один космоплан ближнего действия и собственный артерий на второй Луне, там сейчас Кашей почти Бессмертный обитает, они с ним в шахматы играют на огромную территорию на Земле с природными в ней богатствами, кому она достанется, кто выиграет.

– Так что поняли, да? – староста обвёл взглядом собрание. – Прошу не позже, чем через неделю, в субботу привести всех селян, у которых дочери – девственницы, от восемнадцати до двадцати четырёх, сюда на площадь – будем выбирать!

Причём по закону, если в семье две или больше дочерей подходили по таким качествам, то разрешалось приводить только одну на усмотрение родителей.

– Ну а я, когда он прилетит, по моим подсчётам – через три дня, схожу познакомлюсь, посмотрю, что это за чудо из Диснейленда, то есть, прошу прощения, что это за Чудо-юдо такое. Ну, конечно, – добавил староста, чтобы подсластить пилюлю, – такой семье, у кого дочь выберут в качестве жертвы дракону, помощь от общества на целый год.

Тут селяне начали спорить, у кого дочери подходили под эти параметры, кому какую вести, некоторые матери этих до-

черей уже начали причитать заранее, а кое-кто сказал старосте:

– Только через мой труп я отпущу своих ненаглядных кровиночек, – как сказала одна вдова, одинокая женщина.

У неё вообще мужа не было – убили жангрузы после разбойничьего набега. У неё была одна совершеннолетняя дочь и вторая росла, шести лет, ходила в сельский детский садик.

Кузнец сразу опечалился, потому что у него все дочери, как раз надо из них выбирать, чтобы вести на конкурс отбора дракону на съедение, и кого из них отдать – он совершенно не хотел этого делать, потому что любил дочерей одну сильнее другой.

Тут один селянин подлил масла в огонь – Афанасий, мастер по изготовлению красивой домашней мебели, сказав:

– Зачем всех вести? Вон у кузнеца какие красавицы, хватит и их, есть из кого выбрать.

На что дочери Вакула загалдели разом:

– Почему это только из нас? Тем более к Даше какой-то чел из соседнего уезда, состоятельный мельник, уже навёл справки, сватать собирается, – потенциальных невест не трогали, – к тому же у тебя у самого три дочери: Наташка, Люд-ка и Ленка. Приводи их тоже в субботу!

– Ну, – возразил мебельный мастер, – Наташе нет ещё восемнадцати, Людмила не совсем подходит на такое ответ-ственное мероприятие сами знаете по какой причине, а Лен-ка ещё совсем малолетка сопливая, тринадцать будет в сле-

дующем месяце, гусей пасёт у Тришкиного пруда!

Опять вспыхнул спор на площади, начали вспоминать у кого дочери – девственницы, претендентки на съедение дракону, а у кого уже нет, правда, в то время в Их мире таких позорящих родителей дочерей не было: нравственные каноны, придуманные и даденные им языческими богами, соблюдались строго. Это не в городищах за Стеной, где развращение шло полным ходом, а если и случалось такое несчастье, таких опозоренных спроваживали в мегаполисы участвовать в непристойных телепередачах типа «Дом-2» или «Камеди Клуб» – развлекать жирных стерильных богатеев, всяких спонсоров и продюсеров, они потом их за деньги пользовались, кто, конечно, был способен, а кто не был способен, усиленно создавал вид.

– Я всё сказал! – староста изобразил лицо строгим. – Жду ваших решений в следующую субботу на этом месте!

Через три дня и в самом деле пастух Никодим уже в четыре утра прибежал, пас стадо на дальнем выгоне и оставил его там, с новостью по всем домам бегал, что видел, как со стороны чудакинского кряжа прилетел дракон и опустился у оврага, где пещера, и рядом дубрава: замечательное место. Село сразу всполошилось, выбежало в лицах прекрасной половины человечества на улицы, а лица непрекрасной половины, и нередко даже очень, работали все на своих местах. Староста сказал женщинам, лицам пожилого возраста и детям, чтобы не поднимали панику.

– Пойду, как позавтракаю, посмотрю, что за дракон, познакомлюсь.

Плотно поев пшённой каши с маслом и молоком и блинов со сметаной, оделся поскромнее в полотняную рубаху – вышиванку, простые штаны и сапоги. Сказал не отходившим от его деревянного забора чересчур чувствительным женщинам:

– Не переживайте вы так, бабы, пойду гляну, что это за монстер прилетел на нашу голову. – И отправился.

От села, куда прилетел Власик в пещеру, было три километра. Староста, пока шёл, всё прикидывал, что за дракон у них поселился, какой нравом: свирепый и злобный или покладистый и отходчивый, меланхолик или сангвиник, либо подвержен буйным неконтролируемым вспышкам ярости; вспоминал рассказы старост других посёлков и деревень в их районе, у которых уже жили драконы – старосты собирались раз в месяц обсудить дела и распоряжения, приходящие из окружного центра – районного посёлка.

Пещера находилась в изголовье небольшого и неглубокого оврага, собственно, он с неё и начинался. По склонам оврага росли старые, покрытые лишайниками осины, спускающиеся с верха, и даже по бокам пещеры, а над ней – словно знаковое место – росла корявая пихта. Землю устилал папоротник, багульник, крапива, волчий глаз и ещё какие-то не известные современной науке растения. Пещера Власику попалась просторная, с высоким потолком, только неотделан-

ная. «Крыша» пещеры с росшим на ней деревом выходила к поляне, какую дальше обступал непроходимый густой лес, наполненный разнообразной фауной – как и было положено в те времена. Кроме реальных зверей и птиц в лесу в изобилии жили и существа полумифические: лешие, кикиморы болотные и водяные, и даже было три Бабы-яги, но, как говорили злые языки в селе, это были сбежавшие от сельской трудовой жизни три непутёвые бабёнки, любившие выпить и закусить, любительницы до чужих мужей втихаря с ними проводить время от жён, общество и так уже собиралось выгнать этих недостойных звания женщин с большой буквы за Стену, и теперь выдают они себя за дам сказочных.

Староста спустился по склону к пещере, стараясь не испачкать сапоги, земля была влажной, местами глинистой, подошёл к входу. Внутри темно и ничего не видно, набрался храбрости, пробормотав: «Эх, где наша не пропадала!» – мужчина был не трусливого десятка, кашлянул и уже громче сказал:

– Здравствуйте, господин дракон! Разрешите войти?

– Да, да, – услышал Власик голос человека, – входите, пожалуйста!

«Неплохое начало, – ободрился староста, – если „пожалуйста“. Дракон, значит, у нас будет не грубиян и хам, как есть в других селениях, например в Вячкинском уезде, тамошний дракон никогда старосте и людям не говорил „пожалуйста“, а только: „болван“, „идиот“, „казнокрад“, „я вас

всех насквозь вижу“». И в самом деле насквозь видел; староста оказался с рыльцем в пушку, подворовывал из общественной казны, боялся его и ненавидел.

«Может, если дракон у нас культурный господин и не слишком кровожаден, удастся договориться на приемлемых условиях, чтобы не очень была дань обременительной для нашего села, ну а девственницу постараемся ему выбрать... да выберем какую-нибудь невзрачную, что он в них разбирается, что ли? Ему не всё равно, какую есть? Главное, чтобы на зубах похрустывало!» – староста даже удивился, какие ему циничные начали приходить мысли в голову.

Пантелеймон Спиридонович после ответа Власика смелее шагнул в пещеру. Его самого разбирало любопытство увидеть настоящего живого дракона, и даже что-то вроде гордости начало пробуждаться в душе, что у них теперь будет свой дракон, умеющий летать и извергать прямо из пасти настоящий огонь, а то он на сходках старост даже чувствовал себя неполноценным в некоторой степени перед старостами посёлков, где были драконы. Теперь и он имел полное право держать гордо голову на этих собраниях. И ещё ему, как какому-нибудь незрелому отроку, хотелось увидеть, как дракон пускает из пасти пламя. Можно сказать, что настоящий дракон в понимании старосты и других людей только такой – умеющий при случае выбрасывать изо рта реальный огонь. Тут дядя Власика точно угадал в этом пункте психологию людей.

Когда староста увидел дракона, когда у него глаза немного привыкли в пещере – было полутемно, то он заподозрил какой-то подвох, но сразу не разобрался. По виду, да, это был самый настоящий дракон, каких он несколько раз видел, пролетающих по своим делам над лесом или над их полями. Но что-то в этом драконе было не так, чего староста пока не мог взять в разумение.

Староста слегка нагнулся в поклоне, как этого требовал этикет того времени при знакомстве с драконом, и сказал:

– Разрешите представиться, староста села, над которым вы соизволили взять... так сказать, шефство над нами, Пантелеймон Спиридонович Завьялов. А вам можно просто называть – Пантелеймон.

– Влас Ихтиозаврович Рептилоидов! – отрекомендовался Власик и тут же, краснея, хотя староста этого и не заметил, добавил: – Меня можете тоже называть по-простому: Власик.

– Хорошо, хорошо, – быстро согласился староста, смеясь, – в приватной беседе можно и так, но на людях, многоуважаемый Влас Ихтиозаврович, лучше обращаться по имени-отчеству, а то уважения не будет от народа. Тут главное – честь и достоинство сохранить: люди это любят по отношению к вышестоящему начальству, а тем более если это дракон, так и соседи в округе нас будут уважать при живом драконе, к тому же с таким внушительным отчеством и фамилией! Так что я уж вас буду представлять по полной программе, да и вы не забываете, когда столкнётесь там на прогул-

ке в лесу или полетите по своим делам, с нашими мирянами выглядеть погрознее и повнушительнее.

«А дракон-то, – мелькнула у старосты неожиданная мысль, – уж не малахольный ли? Судя по рассказам других старост, у кого какие драконы: хамы, грубияны злобные. А с этим, может быть, и договориться можно будет».

– Вы не возражаете, если мы выйдем на воздух? А то у вас тут темновато.

Власик согласился, кивнув головой и нахмутив брови, дескать, можно и так, и облегчённо вздохнул, что первый контакт с человеком проходит в позитивном ключе, и они выбрались наружу.

Когда они вышли, староста незаметно для Власика прищелкнул к нему повнимательнее и понял, что он заметил в драконе не так, когда его увидел в первый раз, – у этого дракона глаза были добрые.

«Ну, – ещё больше смелея, подумал староста, – теперь точно договоримся, и этот ящер не будет для деревни обременительным. Из девственников найдем ему какую-нибудь заваляшенькую на первый раз, вон у Верки, большой любительницы выпить, две дочки: старшая страшна, как запечный домовой, ни кожи, ни рожи, по поговорке, и сама дылда под два метра ростом, никто замуж из деревенских парней не берёт. В прошлом месяце хотели сосватать за сынка бухгалтера, а тот говорит: „Да я лучше на кикиморе болотной женюсь, чем на Алинке“. Так её имя. Ну а там посмотрим, как дело

пойдёт».

Выбрались из оврага на поляну. К ней с одной стороны вплотную подступал смешанный лес: берёза, ель, ольха и другие деревья закруглялись и уплотнялись к восточной стороне в глухую чащу, откуда даже днём слышались завывания и рёв фантастических тварей, однако замолкнувших, едва высунулась драконья голова на длинной, но не такой, как у жирафа, шее, из оврага. Староста сразу обратил на это внимание, когда они с Власиком расположились у огромного пня. «Вот, что значит появился настоящий хозяин», – подумал он, уже начиная испытывать непонятную гордость, какую, наверное, испытывал командир среднего звена перед Чингисханом.

С западной стороны рос высокий смешанный кустарник, усыпанный ягодами, плавно переходящий в березняк, за которым стеной стоял тёмный лес, настолько плотный, что даже здесь, на поляне, чувствовалась сырость, при ветре волнами накатывающая оттуда. В березняк, занимающий солидную часть леса, парни и девушки из деревни ходили за грибами и ягодами – их тут всегда была тьма, а теперь, при появлении рядом дракона, вылазки в эту декоративную часть берёзового леса ставились под большой вопрос.

– Теперь, если вы не возражаете, – сказал староста, – перейдёмте сразу к делу, составим смету на месяц, сколько вам присылать продуктов из мяса – домашней скотины и птицы, а также овощей и фруктов. Вы едите такую пищу или

полностью мясоед? Вон в соседней деревне, я разговаривал с их старостой, их дракон, уж больно, извиняюсь за выражение, любит пожрать... А свои обязанности перед деревней не очень-то горит желанием выполнять...

Власик поднял указательный палец – дайте мне подумать, и староста замолк. Дракон прикинул в уме, сколько он съедает, и перечислил старосте количество штук птицы, какую он ест в день, сюда они ещё добавили мяса домашних животных и овощей-фруктов, потом помножили на тридцать – получилось намного меньше, чем в соседней деревне да и в других селениях ели тамошние ящеры. «Как нам удачно повезло с драконом, – подумал староста, – с другой стороны и впроголодь его держать нельзя, сытый, хоть скотина, хоть человек, – добрый, а если будет голодный, будет злой, тут тоже важно не скупиться на еду, несмотря на то, что выглядит он добрым, но дракон есть дракон, породу не переделаешь», – такие мысли мелькали у старосты в голове, пока он составлял смету, удобно расположившись на большом по диаметру пне от огромной сосны, спиленной дровосеками деревни четыре месяца назад.

Староста вынул из папки лист бумаги с карандашом и стал составлять реестр. Кстати, надо сказать, что драконы в то время были средних драконьих размеров ящеры – это где-то раза в три-четыре крупнее человека, а не такие, как их изображают современные голливудские режиссёры, которые никогда не видели реальных драконов, – раздутые до безоб-

разия, летающие бурдюки.

– Ну вот, смету составили, – удовлетворённо сказал староста, накорябав последнюю цифру, и вытер пот со лба. Всё-таки эта работа – писанина, какой ему приходилось заниматься по долгу службы, была потруднее, чем он за плугом стоял, когда пахал землю. – Сколько раз вам этот объём продуктов присылать в месяц: один раз, два, три или в начале каждой недели, чтобы не залёживалась? Мясо-то, не бойтесь, не испортится, мы вам специальный ледник доставим – холодильником называется.

– Давайте для начала на две недели, – смущаясь ответил молодой ящер.

– Теперь такой вопрос: столяра и плотника с дизайнером прислать, чтобы они обустроили пещеру, или вы в такой привыкли жить?

– А это тоже можно? – радостно переспросил Власик, вспомнив шикарную обстановку дядиногo жилища и как ему там понравилось.

– Конечно, – подтвердил староста, вспомнив рассказы других старост на сходках, в каких обустроенных пещерах живут их драконы, – даже можете рассказать в подробностях, какой дизайн желаете, а я передам всё это своим людям – у нас, знаете, какие мастера!

– Это было бы очень кстати! – сказал Власик. – Пусть делают, как сами сочтут нужным!

– Ну вот и отлично! – староста сложил листок вчетверо –

очень был пунктуальный товарищ – и убрал в папку, у него такая понтовая была, из выделанной кожи мариупольского мамонта, на серебряной застёжке.

– Когда вам девственницу приводить? Через неделю, месяц или ещё позже?

– А можно ещё, – Власик будто не слышал вопроса, – если у вас, конечно, найдётся, музыку: такой аппарат, знаете, я видел у одного родственника, он сам играет. А, вспомнил, музыкальный проигрыватель называется, из колонок, из таких деревянных ящиков оттуда музыка звучит. Вы меня понимаете?

– Без проблем! – ответил староста и повторил вопрос: – Ну так когда вам приводить девицу? Каких вы предпочитаете? Блондинок, брюнеток, шатенок, рыжих или выкрашенных чёрт знает в какую палитру? Вон в городищах за Заколдованной Стеной, говорят, бабы волосы красят в разные цвета! В синий, огненно-рыжий, красный, фиолетовый! А некоторые ради оригинальности стригутся налысо, подражая уголовникам. Тьфу, пакость какая! Вы бы стали кушать лысую проשמандовку в штанах? Либо с синими волосами! Если она волосы красит в синий цвет, и не только в синий, а вообще красит, какая же, значит, она девственница! Шлюха-дегенератка ядом пропитана с кончиков волос до ногтей на ногах! – Старосту понесло рассуждать на морально-нравственные темы при драконе, и ещё он чего-то хотел сказать, но дракон опять его перебил.

– Мне всё равно, – ответил Власик, размышляя, надо ли говорить старосте, что он вообще не имеет желания есть дев человеческих или не стоит? «Если скажу, что не хочу я их есть, ещё подумает: „Что это за дракона нам прислали какого-то дефективного?..“ Тогда вообще бояться не будут, а там и кормить...» – такие мысли тоже вертелись в его драконьей голове. Судя по разговору и тому, что ему говорит этот человек, Власик подумал, что, наверное, не стоит.

– Тогда давайте так сделаем, – придумал староста, заметив, что дракон в некотором затруднении ответить на этот вопрос, – как решите, когда вам приводить деву, вы затрубите погромче и попротяжнее один раз. Или сделаете три коротких рыка. Сможете так?

– Ну... Можно попробовать, как лучше подойдёт, чтобы вы знали.

– Отлично! – оживился староста. – Давайте прямо сейчас, если не возражаете!

Власик залез на пень – в самый раз уместился на нём – вытянул голову к небу и рыкнул. Сначала один раз, как решили, длинный и долгий, потом два средних по продолжительности рыка и три коротких. Рыки получились впечатляющие: глубокие и пронзительные. В лесу словно лёгкий ветерок пробежал по верхушкам и тишина установилась – можно отметить – гробовая.

– Bravo, господин дракон! – староста даже захлопал в ладоши как в театре. – Сразу чувствуется по этим звукам, кто

здесь хозяин, давайте остановимся на трёх коротких?

– Как хотите, – сказал польщённый Власик.

– И ещё у меня к вам будет одна просьба! – осмелел не на шутку староста.

– Какая?

– Вы не могли бы показать, как извергаете из пасти пламя?

Прошу прощения!

– Без проблем! – ответил Власик, вспомнив, что ему сказал дядя, и повеселев, что так легко и быстро всё образовалось.

– Только, прошу вас, не подожгите лес!

Власик ничего не ответил, опять весь преобразился, чувствуя себя, как артист на сцене, пень по размеру и был как небольшая сцена в провинциальном театре, под кожей волнами заходили стальные мощные мышцы, захлопал крыльями, как будто намереваясь: «Сейчас взлечу». Сразу стал страшный грозный дракон, ошетинился, изобразил свирепую гримасу, на голове, как у петухов перед схваткой, поднялся гребень с иглами, ещё сильнее вытянул голову к небу и пустил сильную струю огня, издавшую низкий трубный звук, как у разогнавшегося локомотива, и взметнувшуюся вверх метров на десять, с напором, как из огнемёта.

Староста аж присел от страха и восторга, в селезенке ёкнуло-крякнуло; это действительно было потрясающее зрелище, такого он не ожидал увидеть, сразу зауважав Власика. «И у нас появился настоящий дракон, расскажу на следую-

щей сходке, ещё и приукрашу в десять раз – старосты из других деревень, у кого есть драконы, позеленеют от зависти».

Тут Власик, не удержавшись, из озорства опять зарычал, уже в полную силу, и это был реально страшный рык чудовища, как бы предупреждающий всех обитателей леса, что с ним шутки плохи. От этого рыка, ударившего по лесу сильной звуковой волной, стволы деревьев заходили ходуном и начали ломаться ветви, обитатели чащи, никогда раньше ничего не видевшие и не слышавшие, струхнули не на шутку: закричали испуганно птицы, вспархивая целыми стаями из крон в разные стороны, раздались испуганные звуки, а одна любопытная кикимора упала с дуба, вторая бросилась наутёк, наткнулась на медведя, подглядывавшего из-за липы, и оба чуть не умерли от разрыва сердец. В общем, лес всполошился не на шутку, а из ближайшего куста тоже раздался испуганный женский вскрик.

– Что такое? – староста, очнувшись, посмотрел на Власика и подумал: «Кто тут за нами подсматривает?»

Подошёл к малиннику, откуда он услышал вопль напуганной не на шутку женщины, раздвинул кусты и увидел лежащую в обмороке красивую девушку.

Это была одна из дочерей кузнеца, Маша. Староста склонился над ней, приподнял её голову, а другой рукой похлопал по щекам, чтобы пришла в себя.

– Ты что здесь делаешь? – спросил он строго, когда девица открыла глаза.

– Извините, дядя Пантелеймон, – Маша села, когда пришла в себя, отряхнула с платья листья и откинула косу за голову, – уж больно интересно было посмотреть на настоящего дракона, я за вами пришла. Я чуть не описалась от страха, какой он страшный!

– Любопытная какая! – староста сделал лицо ещё строже, – вот поставлю на собрании в субботу вопрос, чтобы тебя общество согласилось отдать как жертву ему на съедение! – это так он её пугал, вовсе не собираясь исполнять свою угрозу, у него у самого были дочери, аж четыре девственницы, и две вполне подходили на кастинг на съедение дракону. – С тобой больше... никого не привела?

– Нет.

Девушка не сказала, что предлагала сёстрам пойти за старостой, глянуть, что это за чудище такое – дракон, все его боялись, страшнее наших некоторых мужиков, но те отказались. «Эх и любопытная ты у нас, Машка, смотри будь осторожнее, а то дракон увидит, ещё западёт на тебя!» – смеясь ответили сестры. Тут глаза её округлились от страха (вот и увидела дракона!), взгляд уставился в точку за плечом старосты, и она опять упала в обморок или притворилась, что так сделала. (Женщин не поймёшь: любят притворяться – хлебом не корми, как им нравится нас водить за нос. Верняк, парни, поверьте моему слову.)

Староста оглянулся.

Сзади себя он увидел морду Власика. Тот тоже оказался

любопытным летающим зверем, хотя и с наличием интеллекта. По последним данным этого интеллекта у драконов даже было больше, чем у многих людей. С кем это староста разговаривает в кустах? Перед ним лежала прямо на земле в белом домотканном сарафане с красивой вышивкой (сама вышивала) и лаптёнках человеческая самка, то есть девушка, привлекательной наружности, стройная, длинноногая. Несмотря на то, что дракон такую представительницу человеческого племени видел в первый раз, она была с закрытыми сначала глазами, хотя и подглядывала в щёлочки, с чуть розовым румянцем на щеках, своим, а не от румян, вся такая чистая и невинная настоящая красавица, что в этот момент у молодого дракона так сладко защемило внутри, он сначала удивился: «Что это со мной? – И ещё подумал: Так вот какие они, человеческие красавицы-девственницы». Она даже была ещё красивее, чем прилетавшие к ним по приглашению мамы, дочери со своими мамами, дамами-драконшами, те их брали типа на смотрины для Власика. Уже, так сказать, прощупывали почву для брака, после того как Власик отслужит десятилетний срок жития у человеческого поселения для стабилизации своей внутренней сущности. Что она такая, то есть девственница, он понял сразу, тут его дядя оказался во второй раз прав, хотя она ещё даже и не произнесла ни одного слова, не сделала ни одного жеста, от неё прямо фонило чистой энергией. Он на ментальном уровне чувствовал её. Оказывается, мама тоже была права: «Как восхити-

тельно есть человеческие красавицы». У него и мыслей-то не было в этот момент, что неплохо было бы съесть вот такую.

Староста оглянулся на него и уже как хорошему знакомому сказал:

– Вот, Влас Ихтиозаврович, легка, так сказать, на помине, к вашему сведению, это и есть девственница, одна из ваших потенциальных... э-э-э, – тут староста почему-то замешкался, вспомнив своих дочерей, – кого мы можем к вам прислать в ближайшее время! Тут у старосты мелькнула другая мысль: – Видите, какая красавица? – вдруг начал он расхваливать, как товар высшего качества, девушку, когда заметил, что она открыла глаза. – Ну-ка встань, покажи свою девичью статью господину дракону!

Маша, когда открыла глаза и внимательно глянула на Власика, тоже поняла, что он не такой уж и страшный, хотя, конечно, впечатляюще уродливый! Глаза добрые, сразу заметила она, и ещё заметила, что дракон, когда она открыла глаза и посмотрела на него, он почему-то смутился. Она это сразу поняла загадочной женской интуицией. (Власик не просто смутился, а покраснел. Только этого не было заметно: драконы, когда испытывают какое-то чувство, тоже краснеют, но не внешне, а как бы внутренне. Они словно начинают полыхать изнутри. Видимо, эта энергия выделяется той же железой, что и огонь, какой они извергают пастью. Кстати, об этом ещё ни у кого в манускриптах я не встречал у иссле-

дователей драконов, это лично моя мысль.)

– В нашем посёлке таких много, господин дракон, – продолжал развивать свою мысль староста, напрочь забыв, что он думал, когда шёл к дракону, поставить ему в первый раз девушку не блещущую красотой, а реальных красавиц пока не трогать, – вот хотя бы вам уже готовый экземпляр почти идеальной человеческой женщины! Красавица, умница, девственница!

Тут он поймал на себе взгляд девушки и чуть не поперхнулся. «Ах, ты, старый козёл, – читалось у неё в глазах, – меня, значит, хочешь по безналичному расчёту сплавить дракону, а своих дочерей, этих дурынд перезрелых, – у старосты дочери внешностью как раз особенно не могли чтобы похвалиться, – отмазать? Чтоб пусто тебе было!»

– Или скажите день, – сразу нашёлся староста, – и я вам приведу хоть с десятков на выбор – в нашем посёлке таких красавиц хватает в избытке, а с мужичками недобор, как во все времена у нас было!

Однако Маша хоть и посмотрела на старосту почти зверем, кокетливо, словно была на смотринах и её собирались выдавать замуж, а не устраивать показ потенциальных жертв на съедение дракону, два раза повернулась вокруг невидимой корневой женской оси, да так, что сарафан взметнулся выше колен, под ним ещё была белая сорочка – кузнец для дочерей нарядов не жалел. Он был искусным мастером в своём деле, мог подковать какую угодно парнокопытную

тварь, да и не парно – тоже (а один раз даже подковал дракона, в дальний уезд вызывали, только непонятно, зачем последнему нужны были подковы, а когда спросили: «Зачем тебе подковы на лапы? Ведь это так нелепо!» – дракон ответил: «Для понта, ни у кого из нашего племени нет подков, я первый, теперь драконьи дамы будут от меня в восторге»; вот когда уже понтырщики появились), и открыл пару замечательных стройных белых гладких, без всякого бритья, девичьих ног. Потом Маша, вдруг опомнившись, приняла чинную смирную позу, дескать, я девушка скромная, что даже староста крикнул: «Ах ты бесстыдница, чего удумала – флиртовать с драконом? Вот чертовка! У кузнеца все они такие». Но ничего не сказал.

А Власик смотрел во все свои жёлтые глаза: ему это представление очень понравилось. А Маша опять поймала себя на мысли, что дракон какой-то нестрашный: «И смотрит на меня... как наши деревенские парни смотрят, словно раздевают тебя взглядом, может, если мне не повезёт и он меня выберет, чтобы скушать, то и не скушает, буду жить у него в пещере, вести хозяйство, ходить за грибами – надоела эта деревня совсем, может, ещё и покатает меня на своей спине, слетаем в другие страны», – неожиданная мысль пришла ей в голову.

Оправившись от первого волнения, Власик наивно спросил:

– Так, значит, ты и есть настоящая девушка-девственни-

ца?

Девушка зарделась типа от стыда и опустила глаза.

– А вы что, Влас Ихтиозаврович, – староста сразу сориентировался в ситуации, – никогда раньше не видели человеческих женщин – таких красавиц?

– Не доводилось! – честно ответил Власик. – Я до этого всё время жил с мамой и братишками и сестрёнками в пещере, один раз только в чаще увидел... очень непривлекательную пожилую даму, она грибы собирала, она мне тогда не понравилась. Непонятно, как отважилась зайти в место, где мы жили, люди туда вообще ходить боялись, зная, что там живёт семья драконов.

– А чем же вы питались, сами охотились?

– Нет, нам от Сообщества драконов помощь была неплохая, как неполной семье, отец нас бросил. Ну и сам я охотился... – Власик не удержался, чтобы не похвалиться перед такой красавицей, он инстинктивно это сделал, хоть и перед самкой другого рода племени.

Маша сразу поняла, что это он ради неё сказал.

– Ну вот, Влас Ихтиозаврович, – староста посмотрел на Машу, – теперь вам не придётся заботиться о пропитании...

– Вот эту девушку приводите, – неожиданно сказал молодой дракон, испытывая странное волнение, – хоть завтра...

– Ой, мама!

Теперь Маше и в самом деле стало страшно: «Чтоб меня

черти засунули в самое ингибиторное месиво!» Она представила, как дракон будет её есть, как наточит нож, заставит снять сарафанчик с сорочкой, прикажет лечь на разделочную доску... А дальше такие картины начали рисоваться в голове, что девушка не осмелилась их развивать от ужаса.

Староста крикнул во второй раз, не ожидая такой развязки, пряча взгляд от Маши и уже без строгости в голосе сказал:

– Поняла теперь? – И предупреждая её, что она в такой момент может заплакать или ещё чего выкинет, добавил: – Сама виновата, всё твоё любопытство...

Но девица справилась с собой, стараясь скрыть неожиданные эмоции. А сначала было собралась пустить в ход. Самое безотказное оружие женщины против мужчины – слёзы. Только поправила сбившийся платок на голове и тихо произнесла:

– Воля ваша...

К тому же она вспомнила, какими глазами на неё смотрел дракон, совсем не кровожадными, тем более они у него изначально были добрыми, и было во взгляде что-то такое, что она сразу поняла, что дракон втрескался в неё капитально, и это было до того невероятно, что даже не верилось, ей-богу. Девушки это сразу видят, если в них влюбляются парни: у них на глупых лицах всё написано. И хоть применительно к Власику его драконью морду трудно назвать лицом, она сразу заметила те же признаки влюблённости на ней, что

и у деревенских парней, когда они так себя показывали, что неравнодушны к сей девице. «Кузнец, отдавай за меня замуж Машку, а то ригу подожгу». – «Ах, это ты, Колька проказник, а ну беги скорей отсюда, а то возьму вожжи и отхожу ими по одному месту как следует...» Она приободрилась, авось и не съест сразу, а там посмотрим...

А у Власика в душе творилось дракон знает что. Хаос, неразбериха, апокалипсис. Есть-то он её теперь уже точно не собирался. И старался подбодрить взглядом, мол, не бойсь, девчонка, азу по-балаклавски я из тебя делать не буду!

Староста же его загоревшийся взгляд истолковал по-своему. «Да, жалко девицу. Но что поделаешь, планида такая». И сказал:

– Так, если вы не возражаете, Влас Ихтиозаврыч, мы тогда пойдём, а через две недели я её пришлю. Пусть подготовится, простится с родителями. К тому же вам надо пещеру привести в нормальное состояние, чтобы жить по-человечески, я дам приказ нашим мастерам – они ваше жилище за несколько дней приведут в достойный для проживания такого уважаемого... теперь нашего хозяина вид.

– Хорошо! – согласился Власик, взволновавшись от мысли, что будет, когда она придёт к нему.

Тут он вспомнил, какая она в обмороке лежала красивая и беззащитная в сарафане и лаптёнках, и твёрдо решил, что есть её ни-ни, даже не догадываясь, что просто в неё влюбился, как зелёный юнец, пусть и драконьего сословия.

«Точно не съест», – опять подумала Маша, исподтишка наблюдая за Власиком.

И староста с девицей отправились в село. Солнце уже скатилось за лесную гряду. Воздух посвежел, и лес притих, словно его обитатели прислушивались, что между этими тремя происходит на поляне и чего им ждать от нового лесного такого грозного фантастического квартиранта, умеющего не только летать и решать какие-то важные дела с людьми, но и пускать огонь из пасти: он, пожалуй, будет пострашнее, чем медведи и волки, в большом количестве населявшие их лес.

Когда в селе узнали новость, что староста мало того что успел наладить продуктивный контакт с драконом, о чём он сам сообщил не без гордости, но уже и готовая ему есть девица на съедение, то пересудов и разговоров было чуть ли не до полуночи, селяне никак разойтись не могли по своим избам, домам и даже теремам среднего уровня сельской жизни – всё обсуждали это дело. Всем, конечно, было жалко Машу. Да, не повезло девице, сразу без предварительного кастинга он пожелал её на съедение. Но с другой стороны, сама виновата, уж больно любопытна, кузнец их избаловал. А один её наиболее страстный поклонник и потенциальный кандидат в мужья Иван – молодой парень, уже засылавший к кузнецу сватов и не один раз получавший отказы, – собрался идти на битву с драконом.

– Выкуй мне хороший меч, – сказал он Вакулу. – Может, я

дракона... отрублю ему страшную его голову и ты меня тогда возьмёшь в зятя.

На что кузнец ему ответил:

– Зелен ты, Ванька, для таких делов – сражаться с драконами, да и не твоё дело, на то витязи есть, это их забота, и посылать тебя, дурака, на верную смерть неохота, тем более после этой глупости мало того, что сам погибнешь и деревню подставишь, не дай бог дракон рассвирепеет, прилетит отряд боевых драконов-ниндзя, нас всех съедят, да и другим посёлкам не поздоровится. Ты, парень, свои мозги проветри маленько. А невеста тебе – вон у старосты аж четыре дочери, да у Никодима – рыбака – пять. Выбирай любую, что у вас всех свет сошёлся на Машке, за неё вон какие козыри сватов засылают, даже из-за Стены были, ты сам в курсах, за какого-то полудегенерата-банкира, он в плане наследственности оказался гниловат, пришлось отказать, не хватало, чтобы моя дочь дефективных придурков там в городище за Заколдованной Стеной нарожала, пусть что в роскоши живут. Хотя и дочь жалко, мочи нет, такое нам с матерью испытание дали боги, да если б ты вдруг и победил его, всё равно Машку я за тебя... Ты понял, да? Не обижайся, парень!

Кузнец хотя и был не глупый и дока в кузнечном деле, но тоже упрямый и себе на уме: вбил в голову, что такая дочь – красавица – не для этого парня, вот теперь и пришла расплата за своё упрямство. Выдал бы уже давно замуж, кандидатов в избытке, чуть ли не каждую неделю порог окола-

чивают, она бы сейчас уже родила и стала матерью, и, может быть, матерью будущего витязя или полубога, правда, такие тоже давно их мир не посещали, и забот никаких: качай дитя в люльке да смотри по телевизору сериалы, щёлкая семечки между делом...

– Не хочешь, кузнец, ковать мне меч, тогда я дракона застрелю из лука, у меня брат лучно-арбалетных дел мастер. А дочь твою я тогда посажу на коня и ищи бегемота в Гаграх (то есть ветра в поле)!

Кузнец никак не отреагировал, только горько усмехнулся:

– Иди, иди, парень, домой, и без тебя тошно!

Мама её, Афросинья Меркуловна, заплакала, когда узнала эту печальную новость.

– Что же, дочка, моя кровинушка ненаглядная, зачем ты пошла за старостой, не надо было этого делать, вот какая ты у меня озорная, теперь дракон тебя скушает! А-а-а-а-а!

И Машины сёстры тоже вместе со своей матушкой заплакали. Прямо в три ручья стали лить слезы:

– А-а-а-а-а-а-а!

– А-а-а-а-а-а-а-а-а!

– А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!

Кузнец не выдержал, плюнул в сердцах:

– Хватит, бабы, выть! Слезам горю не поможешь, головой его об угол! – И выскочил из дома, чтобы не поддаваться общему унылому настроению. В сенях наступил на ногу домо-вёнку, тот подслушивал, что в горнице происходит: – Ты ещё

тут под ногами крутишься! Пойду, там у меня работа осталась в кузнице, лавочник заказал подкову на пенишаварского гоблина – тот ему муку помогал молотить. Покую маленько, пока они там воют, черти их разбери!

– Да не плачь ты, мама, – начала утешать её Маша, – и вы, сёстры, тоже не плачьте, не такой уж Власик и страшный! Может, ещё и есть меня не будет!

– Его Власиком зовут? – сразу от любопытства перестала плакать Настя. – А какой он сам из себя? – вытерла глаза платком. Младшая сестра была ещё любопытнее средней (только старшая меньше всех страдала этим женским грешком, очень серьёзная девушка, читала современных поэтов и философов; младшие-то сёстры были полегкомысленнее). – А как он выглядит: очень уродливый? Такой же, как и твои ухажёры, какие к тебе приходят свататься? – несмотря на надвигающееся на семью горе, она не удержалась от безобидной подколки: сёстры постоянно смеялись и перемывали косточки всем кандидатам в мужья, какие к ним приходили свататься.

А уж над городскими, из-за Стены, деградантами, курящими сигаретки, и пьющими пиво, и уже смолоду имеющими животики и толстые щёчки, выросшими на пище, сделанной из нефтепродуктов и клонированных бурёнок и овец, а так же курочек и поросят, и принимающими перед интимом с женщиной специальные таблетки, чтобы «дрын» стоял, они умирали со смеху. В те стародавние времена всё-та-

ки древнеславянские женщины, жившие задолго до последнего ледникового периода (кстати, этот период, его специально придумали маньяки в белых халатах тогдашней цивилизации как климатическое оружие, чтобы за двадцать лет «заморозить» государство, какое они хотели захватить по причине избытка у того энергоресурсов, но не рассчитали и заморозили все пригодные для проживания гомов – отчасти сапиенсов – участки суши; ледник, начав наступление по всем фронтам, вышел из-под контроля и, разросшись до невероятных масштабов, в том числе заморозил страну, откуда учёные, маньяки того времени, придумали эту поганку; кто не верит – почитайте хроники Пантикапея Марроканского – 112 век до н. э.) и отделённые стеной от мира научно-технического прогресса, а точнее регресса, ещё не были такими имплицитными, то есть порченными с рождения, не смотрели на мужчину исключительно как на кошелёк, зная, что больше с него взять нечего, правильно понимали генеральную линию партии и правительства, то есть генетический код расы, особенно в этой параллельной реальности, чтители и соблюдали законы брачных и семейных отношений, замуж выходили девами, были верными жёнами и настоящими труженицами.

– Как же не страшный? – возразила их мать. – Староста успел расписать, какой он уродливый и отвратительный, а как зарычал – весь лес содрогнулся. У одного любопытного медведя, подсматривающего из кустов, эпилепсия на-

чалась, а у одной кикиморы болотной выкидыш случился. А как огонь в небо пустил этот драконище, прямо из пасти, чуть весь лес не спалил! Это правда, дочка? А какие у него перепончатые крылья, уродливые наросты на спине, хищные ноздри! Ты весь этот ужас видела?

– Ну, видела, мама, видела! – ответила Маша. – Да, здорово он может извергать пламя, а относительно всего остального староста приврал. Что ты, мама, его не знаешь! И не такие уж и страшные у него крылья, немного необычные, конечно, не как у ворон или аистов. Хоть и выглядит поначалу ужасным, а глаза у него добрые!

Мама с Дашей и Настей с любопытством посмотрели на Машу.

– А что ты его защищаешь? Какая ты всё-таки у меня чудная! Вся в бабушку! Та тоже была чудная! Тебя через две недели на съедение поведут к дракону, а она: «Глаза у него добрые»! С добрыми-то глазами он тебя и съест, не подавится! К нам тоже из-за Стены навешиваются вон какие «крокодилы» из мегаполисов, тоже с добрыми глазами! С такими добрыми, что аж жуть берёт, когда с ними разговариваешь! Не строй иллюзий, доченька! Добрые-то добрые, но не забывай, что это – дракон, существо чуждое нам, людям, кровожадное, если ест таких красавиц. Я что, тебя зря, что ли, выносила под сердцем, родила, растила, ночами недосыпала, недоедала, и тебя, и Дашу, и Настю, и ваших братишек, а теперь какому-то летающему монстру я должна тебя отдавать?

Помню, маленькая ты была, как кричала в люльке ночью, когда описалась, тебя качаешь-качаешь, устанешь, а ты всё кричишь, даже после смены памперса. Папка тоже: «Давай, Фрося, отдохни маленько, я покачаю, спою частушку, расскажу стишок – „буря мглою небо кроет“ – или какой другой, может, она успокоится!» И теперь я тебя должна отдавать какой-то рептилии с крыльями, чтобы она тебя скушала? Мы что, тебя для этого, что ли, такую красавицу вырастили? Думали, скоро замуж тебя отдадим за хорошего парня, мы уже с отцом приметили за кого, за сына Никиты гончара – у него один из прапрадедов витязем был, генетика превосходная. Родишь нам с десяток внучат, вырастут – богатырями станут, может, и драконов тогда победим, вся надежда на вас, доченьки, не за этих же городских деградантов отдавать, пивных алкашей, слабосильных и порченных, которых наплодили городские шлюхи, жизни своей не представляющие без сигареты и стакана вина или пива, прости меня, матушка Макошь, за бранное слово. А тут тебя сразу – такую чистую красавицу – отдать чуде-юде? Это всё, отец, ты виноват, избаловал их! – крикнула она вслед Вакулу.

Поплакали они маленько, поругались, как это принято у женщин-матерей и их взрослых дочерей, и начали думать, что делать дальше. Но ничего не придумали ни в этот раз, ни на второй день, ни на третий.

Пролетела неделя быстро, за ней вторая ещё быстрее, не успели мать с дочерьми вволю поплакать, вечером при-

шёл староста:

– Давай, Машка, собирайся, завтра идти к дракону.

– Давай, мама, и вы, сёстры, собираться, чего уж тут ждать, кладите в суму платья мои, и бельё новое, вот это, я ещё ни разу его не надевала, и косметику на всякий случай. А в этих сапожках я пойду, какие красивые, утром отправлюсь, отдохну часика два и пойду по утренней росе.

В три часа утра Маша распрощалась со всеми, перецеловала своих спящих братьев, а так же сестёр – они ей помогали собираться, отца с матерью, те тоже не сомкнули глаз, сказала, чтобы Вакул её до пещеры не провожал, и отправилась.

Стояло восхитительное летнее прохладное утро, с обильной росой на траве – она прямо как угадала.

– Навстречу своей судьбе... Ой, что там, сестрёнки, будет? Вдруг и правда я ошиблась и дракон меня... того! На один зубок положит, а другим прикусит – только косточки затрещат!

Глава третья

Подошла ко входу в пещеру. За эти две недели мастера из села не только сделали модный дизайн в пещере, но и поставили входную дверь с глазком, чтобы видеть изнутри, кто пожаловал в гости. Дверь была толстая, надёжная, из ясени, плотно закрывавшая вход, по краям они её отделали строительным материалом. На выкованных фигурных железных петлях, с кокетливой табличкой: «Дракон – Влас Ихтиозаврович Рептилоидов. Дёргать за шнурок три раза». Справа от двери и правда висел шёлковый шнурок, через дырку в стене соединённый с медным колокольчиком. Власику эта игрушка очень понравилась, он сначала сам дёргал для развлечения и радостно повторял, как маленький: «Дзинь-дзинь, господин дракон, к вам посетитель».

Маша набралась храбрости: «Ну, храните меня, Боги, матушка Макошь и батюшка ДажьБог» – и подёргала три раза за шнурок: «Дзинь-дзинь-дзинь!»

За дверью послышался шорох, кашель и довольно приятный мужской голос с ярко выраженными тенор-модуляциями. Маша даже удивилась: «Да ему можно в ансамбле петь русские народные песни: „Ой, мороз мороз, не морозь меня, не морозь меня, моего коня“».

– Входите! – сказал Власик.

Когда Маша это услышала, у неё сердце забилося от вол-

нения и в душе зашевелилась надежда: «Если у этого дракона глаза добрые, голос мягкий, значит, и драконье сердце не кровожадное, может, и не съест меня...» Это придало ей храбрости: она с усилием открыла тяжёлую, пахнущую свежеструганной древесиной и лаком дверь и вошла внутрь.

Власик был в красивом золотистом шёлковом халате, который ему специально сшили в деревне – староста постарался. Он принёс и другие некоторые носильные вещи специально для драконов, даже для этой цели съездил на лошади в одно дальнее село, где знал, тоже у них жил дракон, но по истечении срока был забран в Сообщество драконов, и там после него остались кое-какие предметы холостяцкой драконьей жизни: домашние шлёпанцы, полотенце, пара халатов, трубка (тот дракон был большой любитель курить табак), ещё какие-то домашние вещи – всё на дракона и принёс их Власику. Молодой ящер был удивлён, увидев кучу вещей: «Однако, люди неплохо умеют устраиваться в этой жизни: кайфовать перед телевизором, смотреть футбол Парагвай – Россия, счёт десять – ноль, в мягком приятном телу халате, в домашних стоптанных тапочках, попивая пиво с жареной на пальмовом масле картошкой».

Халаты Власику не подошли, тот дракон был крупнее и толще, любил побольше поесть и попить пива, да и выглядели не очень: какие-то замасленные и ношенные. Власик, несмотря на то, что был дракон, оказался в этом плане щепетилен и брезглив, сказала аристократическая наследствен-

ность; не зря же он происходил из древнего рода, его далёкий пращур ещё со звёзд прилетел, был старшим помощником командира звездолёта, мама ему с гордостью рассказывала. Староста же сказал: «Не беспокойтесь, Влас Ихтиозаврович, сошьём на ваш размер, останетесь довольны». Хитрый Пантелеймон Спиридонович на третий день привёл к Власику портного из деревни, как раз у них гостил портной из Того мира, они там для большего понта дизайнерами их называют, таких модных портных, аж из самого городища Нью-Вавил-Она. Звали его Ерчаче Приор.

Портной сначала так испугался, что затрясся, как осиновый лист на ветру: «Ни в какую не пойду к дракону, он меня съест». – «А девок наших хватать за грудь и попу, это у тебя смелости хватает? – возразил староста. – Мне уже не раз жаловались, дескать, забугорный гость какой наглый, вместо того чтобы мерку снимать, шить модное платье, за грудь трогает, что там ему за Стеной в мегагородище их шалавы не дают, что ли? Там у них строго, кто-то сказал, могут посадить на полгода за сексуальное домогательство, как недавно случай был: одну бабу, певицу, журналист провёл ей рукой случайно по заднице, она крик подняла, подала в суд на бедолагу за сексуальное домогательство, того оштрафовали на триста долеров. В том ущербном мире основная денежная валюта – долеры. Теперь мужики из того государства вообще боятся даже здороваться за руку с бабами, часть из них с горя подалась в Союз Мэнов Нетрадиционной Ориентации (про-

ще говоря, в пидоры), а остальные потихоньку становятся алкашами, наркоманами, футбольными фанами, импотентами. Скоро тамошние дамы сюда попрут за нашими парнями, чтобы хотя бы на полчаса почувствовать живую мужскую силу, стоящую стоймя у себя внутри, вкусить сладкого. Женщины, вооружайтесь вилами, а то всех полноценных парней с хорошей генетикой ущербные на семьдесят пять процентов головы дамы в мегаполисы переманят. Такие там сплетни ходили, так что давай, иди по хорошему, а то на съедение вместо Маши тебя отправим», – припугнул староста иностранного дизайнера.

Тот ещё сильнее испугался, он же не знал, что портных, а тем более лиц мужского пола драконы не едят, тем более полумутанта из заражённой ядами промышленности зоны и съесть-то для дракона впадлу. Это ещё хуже, чем съесть шлюху. У шлюх хоть тело и ядом пропитано, однако на вкус ничего, а у полумутанта как резина жёваная. Вместо крови какой-то мутный раствор течёт, им начали впрыскивать кудесники в белых халатах (их в Том мире уже и крокодилы с акулами не едят, знают – как бы не отравиться) Ну, если только голову оторвут – это драконы для развлечения – или во рту пожуют, а потом выплюнут. А девственниц хавают – так это, скорее, вынужденная мера – жертвенный обряд, а не как настоящие каннибалы, чтобы пожрать человечинки. Хотя будем объективными – и некоторые драконы этим грешат.

«Гуд!» – Ерчаче задрожал ещё сильнее, и пошёл как миленький, и обмерил Власика, всё по чести, правда, в обморок падал раза три. Дракон, не привыкший к таким делам, когда тебя обмеривают метром, от щекотки хихикая, пасть разевал слишком широко, а модному портному казалось, что дракон собирается его проглотить. И быстро, за три дня, ему сшили великолепный с прорезями для крыльев, с широким воротником, длинный, до самого пола, красивый халат из золотого шёлка – даже с аппликацией дракона на спине. Власик остался очень доволен. И потом, за несколько часов до прихода Маши, когда она спала, дракон репетировал ночью перед зеркалом, которое тоже принесли из деревни, как он её встретит и что будет говорить, чтобы она сразу не испугалась, стараясь найти образ совсем не кровожадного, а даже обаятельного и симпатичного молодого ящера, не чуждого предметам прекрасного...

Так что к её приходу он более-менее подготовился, чтобы подать себя как можно выгоднее, стараясь представить себе быт людей, чтобы понравиться Маше или хотя бы произвести приятное впечатление. «Однако какой я всё-таки... необычная у меня внешность, не такая, как у старосты или сельских мастеров или того же портного. Кстати, как от него неприятно пахнет, как от помойного мурзика», – думал он, вспомнив дизайнера. И не удивительно: он был пропитан запахами техномира. И сейчас, когда она робко вошла в пещеру, по стенам горели декоративные факелы, не такие гру-

бые с намотанной на палку паклей, распространяющей вонь и чад, а с пропитанным специальным составом материалом для горения, в то время в деревнях он продавался в скобяных лавках, горел ровно, с ароматом лаванды или других цветов, много света в помещении. Маша, увидев Власика, стоявшего в картинной позе у камина, расправившего плечи, одна рука, то есть лапа, лежит на каминной полке (мастера и камин ему сделали в пещере), вторая заложена за спину; и крылья он предусмотрительно сложил (у драконов ещё было природное умение – складывать за спиной крылья, что они почти не видны, если требовали того обстоятельства, и расправлять их на полную ширину и длину, когда надо), в этом ярком жёлтом халате (он стал чем-то напоминать восточного падишаха), она не то чтобы испугалась, а не удержалась и прыснула со смеху – смешливая была девица.

– Ой! – Она тут же приняла серьёзный, соответствующий моменту, вид. – Извините, господин дракон.

– Что такое? – Власик, слегка смутившись, изменил позу. – Я смешно выгляжу?

На морде у него появилась отнюдь не кровожадная гримаса, а растерянное выражение. Маша сразу это заметила: «Как он смутился: точно влюбился в меня. Ой, что теперь ждать от этого? Не дайте боги, ещё придёт этот дурак Ванька разбираться со своим арбалетом и дружками. Влюблённые парни такие все делаются дураки, что хоть сразу на приём к психотерапевту». К ним недавно приезжал один такой из-

за Стены, учил интиму между мужчиной и женщиной, его на смех подняли: «Ну ты и заливать, дядя, здоров. Где только таких слов нахватался? Язык сломаешь, пока выговоришь, как ты говоришь: „сублимация“, „либидо“, „на задней стенке влагалища“. Вешай лапшу на уши у себя в городище закомплексованным бабам». В селе его за убогого приняли.

– Не обижайтесь, Влас Ихтиозаврыч, – девица сразу сориентировалась в ситуации, – вам совсем не идёт подражать людям, тем более я никогда не могла представить себе дракона в халате! – Потом, спохватившись, чтобы не испортить первый контакт с драконом, добавила: – Но надо сказать, в этом халате вы смотрите вполне элегантно, хотя на первый взгляд и непривычно! Это Пантелеймон Спиридонович, что ли, додумался вам прислать? Вот угождала-то! – И подумала: «Как боится за своих дочек-страшилок, тоже ведь когда-нибудь придётся на кастинг их, чтобы проходили! Вот и стелется перед драконом, чтобы потом какнибудь отмазать, намекнуть, типа, если какую выберут, дескать, эта мне не подходит, ведите красивую!»

– Да? – Власик воспрянул духом. – Значит, вам всё-таки понравилось? Да ты проходи, – спохватился дракон, заметив, что девушка в нерешительности продолжала стоять в дверях с брезентовым мешочком (потом их, спустя сто тысяч лет, назовут рюкзаками) за плечами на широких лямках, – мешок положи...

Маша покорно сделала, как он ей сказал, сняла сапожки

у порога с прилипшей к ним опавшей листвой и села на новенький, два дня назад сделанный столяром, табурет, с искусно подогнанными гладкими досочками, пахнущий сосной: в пещере стоял густой приятный запах свежееобработанного дерева, наполняя помещение естественными лесными ароматами, – и потупила глаза, вспомнив правила поведения девицы в обществе незнакомого мужчины, в данном случае драконьего юноши, как их учили в школе на уроке нравственного воспитания для девушек выпускных классов.

Опять наступила неловкая пауза.

Власик, не зная, что сказать, предложил:

– Если ты устала, можно попить чаю, как это принято у вас, людей. Я, правда, не знаю, как его готовить, а спросить забыл у старосты.

Маша из чисто женского кокетства, видя неловкость и смущение дракона, вдруг сказала и тут же об этом пожалела:

– Ну не чай же я сюда пришла пить, Влас Ихтиозаврыч!

Дескать, я готова – можешь есть меня прямо сейчас. Обычное женское лукавство, потому что угадала женским чутьём, что Власик её не собирается хруп-хруп. Во всяком случае, пока.

Власик поморщился, покинул свой пост у камина, сел в кресло, потом сразу встал и заходил по пещере. Надо отметить, что она была очень просторная – триста квадратных метров. Когда её рабочие полностью очистили от мусора,

камней, обработали стены лопатами, придав им цивилинный вид, отшпаклевали, поклеили обои в желтоватых тонах под цвет осени и мастера под начальством специалиста по проектированию внутреннего пространства сотворили из неё великолепный пентхаус, куда в одном помещении уместилась гостиная, спальня и кухня, Власик остался доволен интерьером: «Теперь у меня не хуже, чем у дяди, а даже в каком-то смысле и лучше». Ещё староста и «музыку» ему современную принёс в виде нескольких прямоугольных ящиков, откуда она звучала, и показал, как ей пользоваться. Власик уже успел послушать джаз: ему очень понравилось, там так классно на саксофоне кто-то выдувает ностальгические звуки.

– Можешь меня просто называть – Власиком, – сказал он. – Я сам ещё молодой дракон, – добавил он как бы в оправдание. – Мне всего двадцать пять лет! И если тебе интересно, скажу сразу: употреблять тебя в пищу у меня нет никакого желания!

– Правда?! – обрадовалась Маша, желая сгладить свою вопиющую лукавую бестактность, не зная, как себя дальше вести, чтобы этому молодому дракону в нелепом халате понравиться, и добавила: – Ну, если ты тогда не против, я сначала переоденусь, а потом можно и чаю попить! Только ты отвернись, я девушка стеснительная! А после, как почаёвничаем, я приберусь у тебя в пещере, а то эти дизайнеры столько мусору оставили после себя!

– Хорошо, – ответил повеселевший Власик, поняв что первая трудность в контакте с человеческой самкой-девственницей преодолена и он вполне способен общаться с этой красавицей, пусть она и принадлежит к чужой и, более чем вероятно, враждебной драконам расе.

У него в памяти где-то в 1011-й извилине мозга выплыло дядино предупреждение, что нужно быть начеку с человеческими самками, особенно красавицами, они хитры и коварны, но Власик как-то автоматически загасил эту мысль, не заикливаясь на ней в данный момент: человек – красавица, она показалась ему отнюдь не хитрой и коварной, а открытой честной девушкой. У драконов в этом плане был сильно развит интуитивный нерв, позволяющий видеть оппонента почти насквозь, врёт он или нет, правда, не все прислушивались к своему внутреннему голосу, особенно когда собеседник сливал откровенную лесть, как староста, тем более делая это искусно, и не все к ней были устойчивы, особенно молодые драконы, а многие из людей жить не могли без лести, если их не гладят по шёрстке, образно говоря.

После того как девушка переделалась в домашний халат ручной вышивки и чуни из обрезанных валенок (пол был земляной, холодный), подумав при этом: «Что же столяры-плотники не покрыли досками пол?», на скорую руку протёрла тряпкой кухонный стол, растопила печь (из деревни печник сложил из красного кирпича дракону вполне функциональную печку, но не классическую, а модернизи-

рованную – с варочной плоскостью из чугуна на две типа конфорки, как у электроплитки), поставила на одну чайник, после того как огонь хорошенько разгорелся. Внизу, под варкой, где горели дрова, когда оставались угли, эта часть была как духовка, можно пироги печь и яблоки на сковороде, очень удобно и экологически лучше. В общем, нехилую печку сложил печник. В правом углу, где по задумке дизайнера находилась кухонная зона, в конкретном случае в пещере её сделали справа, от входной двери, сразу, как войдёшь, можно сесть за стол, поесть чего-нибудь или попить коричневого напитка, кофе называется, если оно у тебя – его привезли из-за Стены, контрабандой поставляли, ведь кому-то нравилась эта пахучая иностранная шняга. Тут же и труба торчала от печки.

Короче, ещё в те времена люди могли неплохо обустроить свою жизнь, так что этот фантазёр учёный- полубиолог с похмелья, что ли, был, придумал происхождение человека от гиббона и орангутана, дескать, в то время ещё человек на дереве жил, такой крутой обезьян – шимпанзе, ел бананы и трахал свою самку или раскачивался на лиане, а наевшись и натрававшись, давил блох в своей густой звериной шкуре... А потом в один прекрасный момент раз и прозрел, как Будда, сидевший под деревом, слез с дерева, своей самке шимпанзе сказал: «Джорджина, я тебя ай лав ю прямо в отшпаклёванную вертикаль, надевай платье и босоножки и будем жить по новому. Сейчас я сделаю дубину и пойду зава-

лю мамонта, а ты пока разожги огонь, я принесу мамонтины, сварить суп, и будем жить с тобой в пещере, как человеки!» Вот так, наверное, приблизительно представлял себе эволюционный скачок от обезьяны к человеку этот псевдоучёный Чарльзон Д. А некоторые пипчидроны из числа учёных: академики, профессора и кандидаты наук – с радостью подхватили эту «гениальную идею». Очень странно, что в мире так много, считающих себя образованными, городских аборигенов, вполне интеллигентных, с высшим образованием, купилось на такое смехотворное объяснение происхождения человека. И до сих пор, многие, кстати, верят... А когда выпивают, поднимают, к примеру, стакан с водкой: «Давай, за моего прапращура Гиббона Аркадьича, правильно, Яша, и за моего тоже – Шимпанзе Макарыча...» Я вот, к примеру, ещё когда маленький был, даже перед тем как вступить в пион'эры, сомневался, что один из моих предков миллион лет назад был настоящей обезьяной. Таким волосатым гиббоном с глупой мордой лазил по деревьям с бычком сигареты в зубах и качался на лиане. Мой, тогда ещё детский, разум отказывался в это верить, дескать, Андрюша, не верь этим пиз... оболам, они тебе «крутят яйца». И когда сказал главному комсомольцу школы, что я не верю, что мы произошли от обезьян, он мне ответил: «Если не поверишь в очевидный факт, принятый авторитетными вождями научного коммунизма, мы тебя в пионеры не примем». Если я уже с таких лет не верю в светлые идеалы коммуниз-

ма, который они скоро к концу двадцатого века построят... А с другой стороны, внимательнее присмотришься к некоторым чела́м – и в самом деле можно подумать, что они ведут свою родословную от этих смешных густошёрстных приматов. Даже внешне некоторые похожи.

Когда плита накалилась и вскипел чайник, Маша заварила иван-чай: по пещере пошёл душистый аромат. Не как сейчас какой-то химией воняет от пакетиков, типа чай «Ристон» – натуральная шняга, а реклама этого «Ристона» – наглое беззастенчивое надувало́во, по телевизору фуфло толкают каждый день, и многие верят. Придёшь к кому-нибудь в гости, этот типа чай из пакетиков, тебя им потчуют, когда приглашают за стол попить чаю... Если, конечно, не идёшь в гости к алкашам... Тут, само собой, о чае и речи быть не может, самому надо нести бутылку, чтобы хозяева радушно приняли.

Власик в это время сидел в кресле и с жадным любопытством наблюдал за девушкой, как она быстро, споро и ладно всё делала в доме: проворно вертелась сначала с веником, пол подмела, нашла какое-то ведро, оставленное столярами, ссыпала туда сор и стружки – ну и дальше всё остальное, о чём я написал выше. «Вот и мама у меня так же всё делает, – пришла ему мысль, – всю домашнюю работу, всегда уставшая, замотанная». И нередко ругала их, если они попадались ей под руку, шалили, его младшие братишки и сестрёнки.

– Пожалуйста, господин дракон, пить чай! – шутливо сказала Маша, когда всё было готово.

Сели пить чай. Власику столяры сколотили два больших под него стула. У Маши ноги до пола не доставали, когда она села на один из них. Ещё с собой конфет взяла «Мишка на дереве», на всякий случай, вот и пригодились.

– Кушайте, пожалуйста, Влас Их... то есть Власик, – поправилась девушка, вспомнив, что ей сказал дракон, – это сладости – конфеты. У нас с чаем их пьют.

Власик неумело взял своей когтистой лапой одну маленькую конфетку. И прямо с обёрткой в пасть хотел положить.

– Стой! – Маша улыбнулась. – Бумажку надо снять. И, взяв у опять растерявшегося молодого ящера конфету, освободила её от обёртки и сунула Власику. – Теперь ешь! Ты что, никогда конфет не ел?

– Не-а! – замотал Власик большой уродливой шипасто-чешуйчатой головой. Прямо как мультипликационный дракон. – Какая сладкая! – обнажил он все сорок шесть зубов, когда проглотил конфету. – А в нашей семье чай с конфетами не принято было пить... – Про дядю и Дракошу, угощавшую его вином, он промолчал рассказать, но спросил: – А вот говорят, люди вино ещё пьют, когда собираются гости, мне дядя рассказывал.

«Да когда и не собираются, тоже очень хорошо пьют», – подумала Маша и спросила:

– А вы что, драконы, разве не пьёте? – девушка присталь-

но посмотрела на Власика, отхлебнув горячего чаю. – У нас вон в соседнем уезде дракон был, алкаш, жителей деревни обдирал как липку! С тамошним старостой на пару пили! Напьются, а вечером хулиганят, по деревне девушек пугают, поймают какую-нибудь, староста: «Сейчас, Нюра, тебя дракон съест». А пьяный дракон пасть разевает! Вот до какого позора докатились! Дошло до того, что староста начал пропивать из сельских запасов продукты на чёрный день – это когда случался неурожайный год, засуха и так далее, – пояснила она.

В те стародавние времена в каждом уезде в селах был свой НЗ в морозилках, под землёй были вырыты и оборудованы специальные хранилища для продуктов.

– Тоже пьют, – Власик правдиво кивнул головой. – У меня папаша сильнопил драконью настойку, бросил нас пять лет назад!

– Сочувствую, – ответила Маша. – У нас тоже в деревне есть алкаши. Например, Никодим слесарь, пьёт как лошадь и жену бьёт, сколько раз вызывали его на собрание, прорабатывали, так сказать, Пантелеймон Спиридонович грозился поставить на голосование, чтобы исключить из общества, из села выгнать, а то позорит наше село, мы и так по показателям в соревновании среди сёл на пятом месте из-за таких забулдыг. – Помолчала, жуя конфету, и спросила: – А ты-то вино пил?

– Пил, – опять ответил честно Власик, – когда был в гостях

у дяди.

– Понравилось?

Тут Власик чутьём понял, что правду говорить не надо, и сказал:

– Нет. К тому же я его пил в первый раз в жизни, ничего хорошего, горькое какое-то, и потом в голове мутный туман – ничего не соображаешь, тянет сделать какой-нибудь отчаянный поступок, а ноги не слушаются!

– Хорошо! – тоже чему-то обрадовалась Маша. – Потому что в доме если мужик пьёт, никакого житья семье, а тем более дракон, лучше тогда меня съешь, перед тем как вздумаешь пить вино. А то ещё пьяный начнёшь хулиганить, приставать, а я к этому не приучена, я – девушка честная, а не какая-нибудь шлюха из городища, у которой только и мыслей, что сходить в ночной клуб и там раскрутить жирного лабуха на выпивку и на долеры, когда тот её поимеет!

– Как это – приставать? – удивился Власик.

Тут опять была какая-то тайна.

– Потом расскажу, как это, когда пьяный мужчина пристаёт к девушке. – Она помолчала немного. – К тому же, – закусила она третью конфетку, – наш староста – это такая хитрая бестия, он ещё придёт к тебе не раз и принесёт вина, а то и самогонки, вот увидишь! Да ещё и предложит выпить вместе! Ни соглашайся ни в коем случае, а то начнёт тебя спаивать.

– Зачем? – искренне удивился Власик.

– А пьющим человеком, в конкретном случае драконом, управлять легко. Кто втягивается в питье вина, становится как зомби и выполняет любые приказы всяких подлецов-начальников и проходимцев, попадает от них в полную зависимость. Вон в городищах за Заколдованной Стеной спаивание народа происходит в масштабах государства, если власть никчёмная, алчная, состоящая в большинстве из негодяев, падких до золотого тельца, не может эффективно управлять людьми, вот и спаивают, чтобы не бунтовали!

– А кто такие зомби? – наивно спросил Власик.

– Это такие чуваки, – Маша развернула четвёртую конфетку и налила ещё чаю, – они умерли, их закопали в землю, потом отрыли и оживили. И кто оживил, они становятся его рабами, выполняют все приказания... Но бывает и хуже после оживления... Они никого не слушаются, становятся агрессивными, нападают на людей и кушают их прямо живыми...

– Да я и так посмотрелся на пьяного отца, – Власик вернулся к теме бытового алкоголизма, – когда маленький был, и как мама страдала и плакала, так что мне и самому противно...

Тут он опять вспомнил, как пил настойку «Вырви глаз» с дядей и Дракошей, и ему отнюдь не было противно...

Так они мило беседовали за чаем: дракон-юноша и человек-девушка, невинные, как голуби, и чистые, как янтарь.

После того как попили чаю, Маша провела ревизию его

съестных припасов в холодильнике, чего ему староста из деревни привёз на телеге, и увидела: весь холодильник был забит. Тут и ощипанные куры, и гусь, и говяжий окорок, и солёное сало в морозилке, фрукты и овощи, малосольные огурцы, помидоры. Маша даже удивилась изобилию продуктов. с чего это староста так расстарался? И картошки ему привезли телегу, и баклажанов, кабачков и огурцов в углу она обнаружила – в кучу навалено и прикрыто рогожей.

– А тебя неплохо Пантелеймон Спиридонович снабдил! – Маша пристально посмотрела на Власика. – Он у тебя ни о чём не спрашивал?

– Нет вроде... – ответил Власик, пытаясь вспомнить, чего такого мог спросить у него староста.

– Ну ладно. – Маша быстро убрала со стола чашки и конфетные фантики. – Если ты не против, я сейчас чего-нибудь приготовлю.

– Я не против! – сказал он, оскалившись, – это у драконов считалось за улыбку. – Конечно, готовь, если умеешь!

– Как же я не умею! – удивилась Маша. – В наших сёлах и деревнях девушек с раннего возраста приучают вести домашнее хозяйство, это не в городищах за Стеной девицы избалованы матерями, ничего не умеют и не хотят уметь, только мечтают выйти замуж за жирных лысых богатеев, чтобы ничего не делать, а балдеть на курортах, пить алкоголь и курить сигареты! А мужчины – мутанты: и работают, и домой придут – женскую работу делают: посуду моют, готовят и так

далее.

«Это она про шлюх говорит», – вспомнил Власик мамину классификацию молодых девушек. И опять ему мысль пришла, от какой у него повеселело на душе, что поедание этой человеческой красавицы откладывается на неопределённый срок: «Если я не такой, как все другие драконы, может, мне для стабилизации генизъяна и не нужно десять лет есть девиц? Может, я и так созрею и моя генно-энергетическая решётка устоит без этого ритуала? Как говорил мудрый дракон Джоттер: „Пожуём – увидим“».

– А где ты до этого жил? – Маша прервала его размышления, вынула из рюкзака кухонный фартук (тоже взяла на всякий случай), надела, вытащила из холодильника за лапу жирного гуся и шлёпнула его на разделочную доску.

Взяла острый как бритва нож-тесак, предусмотрительный староста принёс («Вот старый хрыч, это для меня, что ли?»), и, пока Власик рассказывал про свою семью и как они жили без папы, ловко ошипала гуся в ведро, выпотрошила и поставила в большой чугунной сковороде тушиться на медленный огонь, налив в неё подсолнечного масла. У них в селе отличное делали, конопляное, без всяких ГМО, как в городищах продают в супермаркетах пищу из всякой синтетики (вот от этого-то и вымерла третья цивилизация вместе с великанами).

– Да-а, – сказала она, вытерев руки о фартук и сполоснув их под медным рукомойником, когда Власик сделал паузу, –

нелегкая у вас драконов жизнь, почти как у нас, у людей, а может, и хуже!

– Конечно хуже! – горячо согласился Власик. – Вы живёте на этой планете больше полумиллиона лет, можно сказать, полностью адаптировались под местные условия, солнечное излучение и радиоактивный галактический фон, а нам до сих пор приходится приспосабливаться, и по сей день у нас не стабилизировался генетический код из-за влияния Солнца, ещё девственников придумали наши мудрецы надо есть, чтобы окончательно он установился... – тут Власик прикусил язык, поняв, что опять «сморозил гогенцоллерна», то есть ляпнул не подумавши. И сразу продолжил свой рассказ, чтобы Маша не заостряла внимание: – Вот так мы и жили! Знаешь, как маме нелегко одной с такой оравой ребятишек-дракончиков, все кричат, в доме с утра до вечера кутерьма, правда, нам от Общества драконов помощь хорошая в виде натуральных продуктов, тут мы не голодаем, тем более семья многодетная, таким у нас очень помогают, каждый месяц специального дракона-знахаря присылают, он прилетает, нас осматривает, привозит лекарственные травяные препараты, если кто из нас болеет, простудился и так далее. Ещё один дракон прилетает с человеком слесарем-сантехником, тот нам по дому всё ремонтирует, там если кран водопроводный протекает или ещё чего... К тому же я и сам уже умею охотиться на лесных животных, вот недавно, неделю назад, кабана поймал, все были очень рады, мама сказа-

ла, какой я стал уже взрослый и самостоятельный дракон, – Власик не удержался всё-таки похвалиться, хоть и человеческой девушке, что он и сам не неженка и в случае чего, если не хватит продуктов из деревни, он может приволочь из леса медведя или лося. – Хотя без папы очень нелегко! Мама, когда уж сильно уставала, была раздражена, всё его ругала алкашом и жалкой ящерицей с крыльями...

– Жалкой ящерицей? – Маша прыснула от смеха, добавляя в жаркое специй. – Да они же такие маленькие и без крыльев!

– Тем не менее, – ощерился довольный Власик, что так складно ему удаётся общаться с девушкой и что он хорошо владеет человеческой речью. Впрочем, для драконов это не проблема, человеческий язык они с детства на полутелепатическом уровне осваивают. – А когда мне месяц назад исполнилось двадцать пять лет – это у нас год совершеннолетия, – объяснил он Маше, – мама сказала, что пора жить одному, в собственной пещере около деревни, так сказать, устояться до генетической зрелости, как устаивается вино в бочках в определённых условиях в специальных подвалах и температуре и... – запнулся, чуть не сказав, что есть невинную девушку, какую село будет платить в виде дани, – совершать этот непонятный гастрономический обряд. А я, знаешь ли, – дракон посмотрел в глаза девушке, своими хоть и драконьими, но добрыми глазами, – совсем не готов к такому обряду. Вот ни маковой росинки, – Власик умел выра-

жаться поэтически, – мне не хочется тебя кушать! Хоть стреляй в меня из арбалета – нет никакого желания!

У Маши отлегло от сердца. Значит, точно не будет есть. А до этого она ещё сомневалась, нет-нет да появлялись такие тревожные мыслишки, глядя на дракона и ещё не привыкнув к нему, всё ей было в нем ново, пугающе и непривычно: хоть и добрые у него глаза, но дракон есть дракон – тут мама была права. Никогда мы не слушаем своих родителей! Вон как пасть разевает, и какие острые зубы, и какие жёлтые глаза...

– Кстати, – замялся Власик, – ты не скажешь, что это такое среди людей девушка-девственница? А то меня не ввели по этой теме в курс дела.

– Ты не знаешь, кто такая девственница? – Маша покраснела, посмотрев на Власика: уж не смеётся ли он над ней?

Тот энергично закивал головой, словно давая понять, что абсолютно не имеет никакого представления.

– Ну. Это... – Маша задумалась, как сказать понятнее, и даже отвлеклась от готовки, перестав тереть морковь на тёрке для овощной пережарки, по пещере пошёл вкусный аромат, что у Власика, он понял, что аппетит разгорается стремительно, – это когда у девушки не было ни одного мужчины.

– Что значит не было ни одного мужчины?

Власик сглотнул слюну – вот как уже захотел есть. Разговор по волнующей его теме становился всё более непонятным.

– Ну-у, – Маша взяла долгую паузу, пытаясь подобрать слова, не такими же терминами говорить, какими обсуждают «это» нетрезвые мужчины, очень, надо отметить, грубыми словами. – Это когда не было секса.

– Кекса?!

– Секса!

– А что это такое?

– Это когда, – Маша начала краснеть и от чего-то возбуждаться, Власик смотрел такими горящими, жадными от любопытства глазами, что её это вводило в краску, – парень и девушка полюбили друг друга, разделись в уединённой комнате и сначала стали целоваться, обниматься, а потом легли на кровать и занялись сексом...

Маша ещё сильнее покраснела, и внизу живота у неё от внезапно нахлынувших картин сделалось очень хорошо и сладко, она вспомнила, как она фантазировала, когда была одна, как занимается сексом с Данилой, сыном деревенского учителя, он ей при встрече такие чудесные стихи читал, который ей давно уже нравился (но не её родителям). Власик забарабанил пальцами по подлокотнику кресла.

Маша поняла, что ничего не объяснила толком, и добавила:

– Это значит, когда они легли на кровать обнажённые, парень ещё сильнее начал ласкать девушку ртом и руками, а потом лёг на неё сверху и... вошёл в неё.

– Как это понять «вошёл»?

«Опять какие-то непонятки», – подумал дракон и тут же представил, как он, такой огромный, по сравнению с этой хрупкой, но сильной девушкой, такой представительный драконий самец с крыльями, хвостом, ляжет на неё и «войдёт»! Ему сделалось смешно. Он начал щериться, разевать пасть и клацать зубами.

Расценив его гримасы как то, что он начинает сердиться, что она не может ему толком объяснить интимные нюансы между молодыми, и не очень, людьми, и уж тем более, какое это имеет отношение к девственницам, хорошо, не смеётся над ней, не ёрничает, отпуская похабные шуточки, она осмелела и рассказала дракону всё по этой теме, что сама знала, а знала она не ахти из разговоров «продвинутых» в этом плане подруг и одиноких вдов-солдаток, потерявших мужей на войне. Да ещё дядя Назар, сосед-бобыль, иногда беседовал по этой теме с её отцом в грубой форме, что, услышав, она краснела, и даже иногда шлепал её по попе, шутя «Эх, Машка, был бы я помоложе!» А что было бы дальше, если бы он был помоложе, Маша смутно догадывалась, но ей было смешно представлять «это» с таким неухоженным, грязноватым и нередко поддатым соседом, поэтому она тоже не стеснялась в выражениях и замахивалась коромыслом, а один раз толкнула его так, что он полетел в бурьян, когда дядя Назар ухватил её за мягкое место поосновательнее.

Власику, конечно, вводный курс по сексологии у людей очень показался интересным. Сразу тысяча вопросов стала

ему понятна.

«Вот, значит, почему на меня смотрела тётя Рахель такими глазами, тоже хотела, чтобы я на неё лёг и „вошёл“. Старая коряга! Уже песок скоро посыпется, а всё туда же! И Дракоша тоже хотела... Значит, я в самом деле вполне симпатичный дракон, имею успех у драконьих дам! Вот откуда берутся детёныши у людей, и у нас драконята! А мама говорила, когда появлялись маленькие мои братишки и сестрёнки, что их принёс дракон – разносчик детей в большой корзине! Обманывают нас взрослые! Обманывают и даже не краснеют при этом. Но почему тогда у дяди с Дракошей нет маленького дракончика, они уже вместе живут вон сколько времени? Или дядя не в теме? Вон сколько вина пьёт и ест, как паровоз. Тогда на хрен он сдался Дракоше? Поэтому он и не хотел меня оставить на несколько дней погостить – боялся, наверное, что я лягу на его женщину, то есть драконью даму, она вон какими страждущими глазами смотрела. Теперь-то я прозрел, да, но что теперь мне делать с этой человеческой девственницей? Съесть-то её теперь уже точно зуб не зачешется!»

Власику понравилось это выражение: «зуб не зачешется». И он лязгнул зубами, чтобы отогнать какой-то наплывающий дурман, что у него появился в голове. Ещё вспомнилось, мама говорила, что после прохождения возмужания молодых драконов берут кого в воины, а кто сразу изъявляет желание сделаться многодетным семьянином, кого медицинским ра-

ботником, а кого и в касту жрецов, если у такого дракона к концу десятилетнего курса «молодого бойца» пробуждаются сверхнормальные способности и таланты: ясновидение, телепатия и так далее. «Но теперь это, – он подумал, – ко мне явно не относится». И посмотрел на Машу: она тем временем вынула из духовки гуся и попробовала кусочек, не готов ли. Причём вид у неё такой был, словно и не было этого волнующего разговора на деликатную тему.

– Готово, – весело сказала она, – прошу к столу, господин дракон.

Так Маша начала жить у дракона на правах помощницы по хозяйству. Надо сказать, что, несмотря на то, что Власик и испытывал к ней совсем не драконьи чувства, даже до конца сам не понимая, что он всего-навсего влюбился, как последний золоторотый юнец, хотя это и противоречило всем законам существования биологических видов, в том числе и относительно разумных, к каким, несомненно, относились гомо сапиенс и рептилоид сапиенс летающий. И в кого он, без всяких сомнений, втрескался? В человеческую девушку. Пусть она и была красавицей, однако она к нему не испытывала никаких чувств, разве только тщеславия и женского самолюбия.

У женщин, вообще надо отметить, очень тешит их самолюбие, если они видят, что кто-то влюблен в них, причём не важно кто: гомо сапиенс прямоходящий, много кушающий макарон с кетчупом и картошки с салом, ещё больше

пьющий пива и водки, курящий, или крокодил болотный, питающийся слегка подтухшим мясным продуктом, на который он сам и охотится, во время ухватив за ногу в виде ротозея-туриста или зазевавшейся зебры на водопое, и не пьющий алкоголь вообще (в этом плане современным дамам даже лучше иметь в качестве мужа или «друга» крокодила), или обезьян (в смысле – он, а не во множественном числе, как кто-то может подумать, я написал) тропический... Так что им не важно, кто в них влюблён, главное, смотрел бы обожающими глазами и денег имел в мешке побольше, ведь не зря же одна посредственная певичка спела, что главные друзья девушек... Поняли, да, кто? Точнее, что. Бриллианты. Или их бумажные эквиваленты. А до «лично-интимного» кайфа они догонятся сами, или в джакузи, или в пыльной Грузии... А кто их обеспечит этими «друзьями», это уже дело второстепенное: потный жирный фуфлон, живущий в городских каменных хоробах, или орангутан на баобабе в джунглях. Не зря же некоторые дамы так обожают экстремальный туризм в лесах Амазонки: мечтают встретить орангутана с мешком денег. Или крокодила с мешочком бриллиантов в зубах. «Ах, ты мой Гена, я тебя люблю! Ползи ко мне скорее, зелёный!» Я тебе почешу, где надо!» – так мечтают они. Тем более эти представители животного мира, в отличие от прямоходящих бесшёрстных типа приматов, возомнивших себя королями природы, как я уже упоминал, не пьют и не курят, а значит, очень эффективны как секс-

партнёры: будут «жарить» и днём, и ночью, только успевай поворачиваться! А с сапиенса чего взять, с этого жирного неповоротливого городского полумутанта, пьющего каждый день литрами пиво, и заедающего его килограммами дешёвой синтетической пищи, и мечтающего вживить себе в половой орган автоматический «стендап», чтобы он во время вставал. И конечно, ещё неподдельную радость она испытывала от того, что дракон не собирается её скушать и что она неопределённое время останется цела и невредима.

Такие странные отношения между драконом и девушкой продолжались несколько месяцев.

Пять раз наведывался староста посмотреть, как обстоят дела: съел дракон девицу или пока размышляет. И каждый раз был в недоумении, что она ещё жива-невредима, ходит по пещере, как у себя дома, и даже спит на отдельной одноместной кровати в противоположном от места, где спал дракон, углу. Впрочем, Власик частенько ночью бодрствовал или сидел перед камином, читал книжки, слушал музыку или летал над лесом, попугивая для профилактики местную фауну, и даже приволок лесную даму-свинью для пополнения провизии в доме. А лесная хавронья уж больно жалобно хрюкала: «Не ешьте меня, о, грозный повелитель леса, подождите до осени, а летом я рожу двенадцать поросят. Мой свин – вон он под тем дубом жёлуди жрет и пивом запивает – недавно кредит взял на автомобиль киа. Он ждёт не дожждётся наследников – маленьких щетинистых кабанчиков.

А за это время я ещё нагуляю килограмм пятьдесят, не пожалеете, и после этого сама к вам, хрю-хрю, прибегу прямо к пещере».

Как я уже сообщил в сей заслуживающей доверия летописи из жизни отдельно взятого дракона, наш герой понимал язык животных и зверей, потому что сам был в некотором роде таким. Маша оказалась права: староста два раза приходил не с пустыми руками, а с бутылкой крепкой смородиновой настойки.

– Не желаете по стаканчику, господин дракон, за более, так выразиться если, тесное сотрудничество? Ах, вы не пьёте? Ну тогда, пардон, не буду навязываться. А правда, говорят, у вас, драконов, со временем – мне рассказывал староста из соседнего уезда, у них тоже дракон, – лет через, пять просыпаются специфические сверхспособности и даже вы можете определять с высоты драконьего полёта, где в каком месте клад закопан? Или можете предсказывать, что человека ожидает в недалёком будущем?

– Да, – удивлённо ответил Власик, – есть такая способность. Правда, не у всех драконов.

Староста чему-то обрадовался и стал ещё более подобо-страстным перед Власиком. Всё это Машу очень удивляло, прямо, можно сказать, вызывало негодование – такой открытый грубый подхалимаж со стороны старосты, какой он проявлял при каждом посещении всё более беззастенчиво. Однако она ничего не говорила по этому вопросу Власику,

чувствуя, что «старый хрыч», как она называла за глаза Пантелеймона Спиридоновича, что-то задумал.

Ещё приходили, выпивши, Машин ухажёр с приятелями, и все с мечами – где они их только достали.

– Выходи, Дракон, биться, Машка всё равно будет моей.

Столпились в овраге нерешительной кучей. Власик открыл дверь, дунул на них пламенем, слегка, вполсилы, но и этого оказалось достаточно: снег на дне оврага моментально растаял, и обледенелые склоны сразу превратились в воду, а соперник за сердце и руку юной прекрасной девы, вмиг протрезвев, с приятелями, побросав самодельные мечи и щиты, бросились врассыпную.

Прошло несколько месяцев, как она прожила у дракона в комфортабельной пещере, а точнее, чуть больше полугода – осень и зиму прожила, за это время к ней не раз приходила матушка, приносила её любимых конфет и ещё какие-то сладости, до которых Маша была большая охотница. А кузнец помог заготовить дров на зиму, чтобы было чем топить печурку; Власику-то было не холодно, у него, как у домашних животных, осенью отрастал густой подшёрсток, а вот девица уже в октябре начала мёрзнуть. И когда на термометре за дверью он показывал, что мороз доходил до минус сорока, маманя дочери принесла тёплую шубу, сшитую из настоящей рыжей лисы. Кузнец был ещё и искусным охотником (впрочем, в то время мужчины в селениях были все хорошими охотниками, зверья в лесах было видимо-неви-

димо). Несколько шерстяных чулок с рисунком специально связала ей, и валенки, чтобы за хворостом ходить в лес, и Дедушка Мороз не «хватал за пятки»: «Не холодно ли тебе, красна девица?» А после зимы, в первой декаде марта, солнце стало светить веселее, снег начал подтаивать на солнце-пёке и капель радовать сердце звоном в образовавшиеся лужицы у двери пещеры. Тут Власик и прозрел окончательно, что в его драконьем сердце творится что-то прекрасное, что ему эта девушка вдруг сделалась в тысячу раз милее, чудеснее и драгоценнее. «А ведь это типа любовь», – внезапно пришла к нему такая неожиданная мысль в голову, вспомнились строчки стихов любовной лирики, книжки он привез ещё из дома, у них была библиотека. И однажды вечером, когда солнце садилось за дальнюю кромку леса и всё внезапно стихло, они мило беседовали на поляне, Власик сразу ей и признался, как галантный кавалер, встав на одно колено: дескать, влюбился я в тебя, Маша, не на шутку, ничего с собой не могу поделать.

Девица зарделась от таких хороших слов: ничего себе, дракон ей в любви признался, он ей тоже начал нравиться последние две недели, как появились первые ласточки весны – они прилетели с весёлым щебетом, дескать, звери и птицы лесные, просыпайтесь, весна идёт. К тому же за зиму Власик себя вёл как в высшей степени влюблённый элегантный кавалер: читал стихи вечером Маше, беседовал с ней на разные темы, был всегда внимателен и предупредителен.

И у неё не раз мелькала мысль, как хорошо было бы, если бы он превратился каким-нибудь чудесным способом в человека... «У нас тогда всё было бы как у людей; вина он не пьёт, да и я не дам, матом не ругается, руки не распускает». Она уже и перестала замечать его крокодилью морду, шипы, когти на лапах, грушевидное туловище.

К тому же Власик с ней разговаривал всегда нежным убаюкивающим голосом:

– Да вы, Марья Вакуловна, как чудесный цветок, радуете глаз, как волшебный нектар на мою душу.

Девушка прямо таяла на глазах, и сердечко у нее: тук-тук, тук-тук, тук-тук – билось чаще обычного.

– Ты тоже мне нравишься, Власик, – ответила ему девушка, – но что нам делать? Мы же ведь с тобой никогда не будем счастливы и не сможем жить полноценной жизнью, какой живут настоящие влюблённые. Ты же совсем из другого племени, у тебя вон крылья, и хвост, и когти на лапах. И как ты меня будешь целовать с такой-то мор... с таким нечеловеческим лицом? И губы не такие, как у наших парней! А любовь у девушки к парню становится осязаемее, если он её с чувством целует в губы, чтобы закружилась голова... Ну и всё остальное. Как мы с тобой говорили на эту тему любви, помнишь? Это только в сказках бывает любовь без основного компонента: одни только вздохи да ахи, да стихи при луне. Тем более ты пламя извергаешь... Вдруг во время поцелуя не сконтролируешь себя и обожжёшь меня и стану я уро-

диной обгорелой! – Увидев, как у Власика от её слов испортилось настроение, добавила: – Вот если бы ты превратился в человека...

Молодой дракон после такого ответа впал в депрессию на три дня, перестал пить и есть и слушать любимый джаз, лёг в своём углу на шкуру мастодонта, она как раз подходила ему по размеру, он на ней спал, и ещё хватало, чтобы укрыться, как одеялом, и так лежал, иногда тоскливо посвистывая.

– Ну что ты, Власик, – сказала Маша, увидев такое дело и тоже сильно переживая за него, – можем и так жить, я же не уйду от тебя, хотя он ей сказал на другой день, что она свободна и может идти, куда хочет, а ему только осталось умереть с горя. – Вставай давай, – теребила она его, – поешь супа картофельного со свининой – очень вкусный получился!

Власик встал, съел, чтобы не расстраивать девушку, две ложки, ничего у него не лезло в депрессии. В такие периоды жизни его отец усиленно налегал на алкоголь. «Хоть бы староста, что ли, пришёл принёс настойки или самогонки, – уныло подумал Власик, – я бы тогда не стал отказываться, всё равно Маша меня не полюбит с такой-то мордой крокодилей... А староста в прошлый раз, когда я отказался пить настойку, рассказывал, что самогонка – тоже стоящая вещь, если делать с умом, лучше любого бренди и виски, какой делают за Стеной в городищах люди-мутанты, пьют это пой-

ло, а после этого начинают безобразничать: бить друг другу морды, резать и стрелять друг в друга».

А ночью, на четвёртые сутки, как он задепрессовал не по-детски, Власик встал со своего драконьего ложа, съел немного супа, вытащив кастрюлю из холодильника, даже не стал разогревать, ещё холодца съел и осторожно, чтобы не разбудить девушку, вышел на воздух: стояла чудесная мартовская ночь, небо чистое, звёздное, но был весьма ощутимый мороз, около минус пятнадцати градусов Парацельсиона, и стартовал со своего пня на поляне и долго летал над лесом, выгоняя депрессию движением, как вдруг заметил спящего под дубом жангруза.

Это был массивный экземпляр, весом больше сотни килограмм, одет в шкуру бизона, и на ногах сшитые воловьими жилами штаны из козьего меха, а рядом лежала большая кожаная сумка, чем-то уже набитая. Жангрузы – племя полулюдей-полуобезьян – жили в гигантском лесу, высокие, от двух метров и выше, густо покрытые волосами, даже лица. Они были отъявленные негодяи, воры и разбойники, совершали набеги на селения и деревни, грабили и нередко убивали мирных жителей. «Значит, – подумал Власик, – уже где-то украл или кого-то ограбил». И напал на него.

Жангруз увидел злого летящего прямо на него дракона, испугался, схватил свою сумку и побежал. Хотя обижать мирных селян – людей – эти отъявленные негодяи всегда «герои». И гнал его Власик по лесу около километра, только

ветви трещали.

А как сукин сын выбился из сил, упал на поляне и взмолился:

– Не губи меня, могущественный дракон, я могу тебе дать ценный совет!

Власик элегантно спланировал на ветвь гигантского дуба (в то время дубы росли в два-три раза выше и крепче нынешних, грязь цивилизации даже на деревья влияет!), на самую толстую нижнюю ветку сел, сложил крылья.

– Ну рассказывай, что за совет, да поживее, а то сейчас заживо спалю – ты нас, драконов, знаешь!

– Ну, тогда задавайте вопрос, – ответил трясущийся от страха жангроз, – у меня есть сова-оракул, может, она на него ответит! Но только обещайте мне, что если этот вопрос не входит в поле её знания и она не сможет вам дать ценного совета, вы мне ничего худого не сделаете!

– А что, есть такие вопросы? Она же, как ты говоришь, сова-оракул?

– Есть, тем более драконам она ещё советов не давала!

– Хорошо, – согласился Власик, – только после этого в любом случае ты сразу же... чтобы я тебя больше не видел в своём районе!

Жангроз закивал большой лохматой головой, потом вытащил из сумки какую-то грязную всклокоченную птицу. Чего-то сказал ей на ухо.

– Кхуа, кхуа, кхуа! – завохтала птица.

«Это и есть его сова-оракул?» – с недоверием посмотрел на неё дракон.

– Она говорит, – обратился к дракону нехороший почти человек, – чего вы хотите узнать?

Шепнул что-то сове и выпустил её из рук. Сова сделала несколько пируэтов над драконом, словно опасаясь, что тот может её съесть, дракон понял её страх и мягко рыкнул: дескать, не бойся, я такую мелочь не ем. После этого сова осторожно спланировала на плечо к Власику. Власик конфиденциально изложил свою проблему сове на птичьем языке.

Сова поморгала своими круглыми глазами, закрыла их и замерла, словно окоченела, на несколько минут, потом открыла глаза и опять заклохоталась.

Власик, понимающий язык животных и птиц, на этот раз с трудом разобрал, что ему сможет помочь старый дряхлый дракон, живущий очень далеко, если он, конечно, ещё жив.

– И это всё? – разочарованно переспросил Власик.

– Кхуа, кхуа, кхуа, – закивала головой птица и на всякий случай вспорхнула и пересела на плечо своего хозяина.

– Ладно, я свое слово – понял, да? – держу. Чтобы я тебя больше не видел в своём лесу и в ближайших тоже, – а надо сказать, что в то время «свои леса» простирались на десятки, а то и сотни километров, – и твоих дружков чтобы духу здесь не было!

Жангруза и след простыл после слов Власика. «А ведь мог бы и выйти на бой со мной, – подумал дракон, – вон ка-

кой тесак на бедре в ножнах болтается, если бы не был трусом!» Власик в таком состоянии депрессии был рад погибнуть в схватке с кем-нибудь, чтобы не мучиться и не мучить Машу. Надо отметить, что Власик хотя и был дракон с добрыми глазами, поэт и мечтатель, однако, происходя из древнего аристократического рода, был весьма не робкого десятка и мог с честью постоять как за себя, так и за своих близких. «Жалко, нет настоящего витязя, – пришла к нему неожиданная мысль, – я бы сейчас сразился с ним и погиб бы смертью храбрых. И Маша, может быть, принесла бы мне на могилу незабудки».

Однако совет мудрой совы дал ему некоторую надежду.

Прилетел Власик в пещеру под утро, Маша ещё спала. Лёг на свою рогожку и заснул как убитый. А как проснулся, рассказал Маше про жангруза и сову-оракула.

– И ты поверил? – Маша с сомнением покачала головой. – Я бы не доверяла фокусам всяких проходимцев, тем более жангрузам – это ещё те негодяи!

– Ты права, моя звёздочка, – Власик от волнения защёлкал сильнее зубами и начал раздувать ноздри и выпускать пар, – но не переживай, дай немного времени, я чего-нибудь придумаю!

Но придумывать ничего не надо было, у молодого дракона его безнадёжная влюблённость в девицу и сильный стресс после последнего серьёзного разговора дала импульс и в самом деле начал открываться провидческий дар, даже намно-

го раньше. Не зря, значит, староста к нему захаживал. И дар этот проявился, когда Власик спал днём, наевшись борща (Маша отличный умела варить борщ) и зажаренной утку с картофельным гарниром, а Маша в это время ушла в лес, она теперь не боялась ходить одна в лес в любые его дальние закоулки и трущобы, тёмные и мрачные, как боялась раньше, все звери её уважали, даже волки, и медведи, и дикие кабаны, потому что знали, что эта человеческая самка живёт у дракона, а его, после рыка и пускания пламени, в лесу боялись.

Кикимора рассказала, какой у них теперь появился свирепый лесной квартирант.

– Как дунул из пасти пламенем! – рассказывала она другим кикиморам на пенёчке.

Те в это время зевали, курили папиросы, наводили макияж – в общем, прихорашивались. Некоторые из кикимор до этого жили в селениях, они были простые женщины, но деградировали из-за своей порочности, сначала лени, нежелания работать, потом начали употреблять алкоголь, потеряли девственность и чистоту, трахаться с кем попало, спились, изшалавились (от слова «шалава») в доску, были изгнаны из общества с позором. Кто из них нашёл прибежище в лесу от такой деградации, превратились в кикимор болотных, а других шалав тайно переправили как эмигрантов за Стену в поганые индустриальные городища, отравленные химией, радиацией и отходами человеческой деятель-

ности, скопище мрака, мерзости, грязи и человеческих пороков – что-то типа высокотехнологического ада. Из этого мира – в тот. Людей-аутсайдеров, нагрешивших здесь сверх меры и каких общество изгнало, тайно переправлял один дракон-контрабандист, у него были связи среди тамошних дельцов-мутантов. Они занимались непривлекательным бизнесом, вот этих падших дам он переправлял работать проститутками на панелях, девицами по вызову, хотя там и своих шлюх хватает. Вот откуда пошла древняя профессия, а не из Древней Греции с её гетерами.

– Так вот, – говорила кикимора, – в небо взметнулся столб огня, это он так запросто и лес наш спалить может, его даже люди боятся и уважают – хату ему оборудовали.

И приснилось Власику, когда он спал днём, как они с Машей летят к дракону – главному колдуну, тот может помочь их беде – трансформировать Власика из дракона в человека. Власик сразу проснулся, вспомнил, что ему напороchestвовала сова, тут как раз и Маша пришла из леса, подснежников принесла, в вазу поставила.

– Ты что такой... взволнованный? – спросила она, сразу с порога заметив, ещё сапожки из яловой кожи, демисезонные, мама ей принесла, не успела скинуть, что Власик какой-то... И в самом деле она угадала: глаза горят, прищёлкивает, поводит головой из стороны в сторону, лапы потирает, словно в лото выиграл миллион золотых монет.

– Сон мне приснился...

Дракон вкратце пересказал его содержание.

– И кто это – дракон главный колдун?

– А гоблин его знает! Ни мама, ни дядя, ничего мне не говорили о нём!

– Ладно, – Маша ласково улыбнулась Власику; она с удивлением стала замечать, особенно в последние дни, что почти не видит в нём внешнего уродства, а только внутренние «человеческие» достоинства, которые и у настоящих-то людей... не у всех они есть... не буду их перечислять, вы сами, да, знаете, какие они. И потрепала, как любимую собаку, по щеке. – Завтра должна придти матушка, я ей скажу, пусть пришлёт старосту – он узнает у других старост, съездит к знакомым, у кого драконы, кто это такой у них, главколдун, и где он живёт.

Власик зажмурился от удовольствия, что Маша иногда начала оказывать ему такие знаки внимания, у него аж крылья начинали подёргиваться за спиной – так было приятно. «И мне эту красотулю надо было съесть, – думал он в такие минуты, – как хорошо, что я этого не сделал!»

Староста всё исполнил, как ему приказали, добросовестный был товарищ, когда дело касалось, как бы угодить дракону, разузнал у своих соседей с драконами, кто из них может дать информацию про этого дракона-колдуна.

Маша с Власиком переглянулись, как к нему добратся, и, узнав, где тот живёт, на следующий же день Власик слетал сам к дракону-соседу и узнал много интересного.

Да, есть такой дракон-колдун, живёт в удалённом районе, почти забытый всеми, совсем дряхлый, чуть ли не тысячу лет живёт отшельником-мизантропом, и о котором среди драконов не принято говорить: чего-то он начудил в своё время, и его отправили в изгнание. Лететь до Лысой горы, на которой жил колдун, около пяти суток. Сосед даже нарисовал приблизительный маршрут.

По дороге встретятся два опасных места, через которые придётся пролететь: Пастарианская радиоактивная пустошь и гигантский лес, где растут деревья высотой в полкилометра. В этом лесу живут жангрузы, можно сказать, это их обитель.

– Смотри, будь внимательнее, когда полетишь над лесом, у некоторых деревьев кроны прямо под летящим объектом будут, а, как ты знаешь, и мы на такой летаем, выше нельзя, как написано в правилах полёта, из-за низкой температуры и сильного разряжения воздуха, может наступить кислородное голодание и потеря сознания прямо во время полёта, а это грозит тем, что запросто можешь разбиться. И такие случаи не редкость, когда молодёжь теряет голову от свободы – лечу куда хочу. Поднимается слишком высоко, отключается и падает на землю – костей не соберешь. А эти негодяи жангрузы наловчились из крон деревьев-гигантов кидать сети на пролетающих, будь то драконы, или неразумные ящеры или огромных размеров птицы, и ловить их: драконов они потом обменивают на драгоценные металлы у Сооб-

щества, а прочую летающую живность съедают. Сначала-то жангрузы вообще боялись ловить сетью драконов, а потом обнаглели, когда поняли преимущества своего леса и то, что за последние пятьсот лет наша популяция сильно сократилась и ослабло могущество. Так что будь внимателен, когда полетишь над этим лесом. Облететь его нельзя; он простирается на добрую сотню километров, как назло поперёк пути лежит, так себе дороже будет. Над пустошью же когда полетишь – это место ещё опаснее. Говорят, лет пятьсот назад в этой области зоны человеческого мозга, пардон, районе, упал гигантский космический корабль с живыми существами, предположительно относящимися к человекообразным гуманоидам, и после падения и взрыва вся местность – там раньше был лес – выгорела дотла и была заражена радиацией. Этот район теперь состоит сплошь из обугленных от высокой температуры во время падения камней, валунов, булыжников и даже оплавленных скальных пород холмов. После катастрофы корабля несколько гуманоидов каким-то чудом выжили. Радиация их не убила. Зато дала неожиданный побочный эффект. От удара звездолёта о землю и взрыва активировался залегающий в этом месте пласт с радиоактивной рудой, начавший излучать умеренный радиоактивный фон. Этот фон на выживших звездолётчиков повлиял так, что они могли жить в нём, но, чтобы жить, нужно есть исключительно сырое мясо. Причём не важно, каких животных. Даже мясо людей они стали употреблять в пищу. А жить в нормаль-

ной среде им уже нельзя. Через шесть часов, когда такой обновлённый для экстремальных условий среды гуманоид попал в безрадиоактивную местность, у него происходила странная реакция с воздухом пропитанного радиацией организма – в результате окисления лопалась кожа и сосуды внутренних органов, гуманоид умирал в мучениях. Но до шести часов можно было находиться вне своей радиоактивной зоны, нормальной для остальных живых существ. Поэтому они делают вылазки за «пищей» из зоны и стреляют из своих нервно-паралитических ружей всё, что летает, бежит, плавают, включая людей и даже кикимор в болотах. Но еды им всё равно не хватает, поэтому из подручных, оставшихся со звездолёта, технических средств они сделали несколько пушек для стрельбы по пролетающим над их местностью живым объектам. И всё, что подстрелят из летающей крылатой живности, идёт в пищу, в том числе и драконы. И когда удаётся подстрелить дракона, тут нет предела их радости, столько сразу у них появляется еды! Ни на драгметаллы и камни они их не обменивают – они им без надобности. Ещё одним необычным экстравагантным образом повлияла на инопланетян радиация. Так как среди них не было астронавта женского рода, то есть дамы-гуманоида, то через какое-то время у них встал вопрос репродуктивного сохранения своего вида на этой планете, проще говоря, они должны были вымереть естественным образом, помощи от своих, что те прилетят из далёкого космоса, ждать не было смысла. Тогда

эти парни додумались до того, что при очередной вылазке в незаконспирированный мир, отловили трёх человеческих самок у ближайшего населённого пункта (те на свою голову пошли за грибами в лес), но не съели их сразу, а, перебив это желание, затащили в пещеру из железисто-титанового кварца, почти не пропускающего радиацию, и там совершили с ними акт насильственной любви в качестве репродуктивного эксперимента. Оставили их пока жить в этой пещере, посмотрев, что из этого получится, и даже кормили их, кроме мяса, овощами и фруктами, которые специально добывали из незаражённого мира. На удивление, эксперимент оказался удачным, все три дамы через шесть месяцев родили по маленькому мутантику, правда, с небольшой аномалией – с двумя головами. Но аборигены пустоши и этому были рады, по поговорке: одна голова хорошо, а две лучше. Детёнышей взяли в воспитание, а с матерями повторили ещё несколько раз детородный эксперимент, пополнив свою крошечную колонию разумных существ двухголовыми детёнышами. Те не умерли в раннем детстве, наоборот, ещё лучше адаптировались к радиоактивному фону и даже в чем-то стали совершеннее своих одноголовых родителей. Выше ростом, сильнее, сообразительнее, успешнее в охоте за пределами своего отравленного радиацией края. В дальнейшем они уже специально присматривают деревню или посёлок и воруют человеческих самок, каких потолще, чтобы весила не менее ста килограмм. Говорят, те им наиболее успешно

рожают крупных двухголовых детёнышей. И к сегодняшнему дню за пятьсот лет эти выжившие после катастрофы своего космического корабля астронавты не только не вымерли, а даже слегка расплодились до полутора сотен двухголовых, кровожадных, злых, но уникальных на планете Земля гуманоидов, способных жить в радиоактивной среде. Эти двухголовые парни ходят почти голые, с набедренными повязками, как негры в Африке. Температура позволяет и зимой, и летом, там плюс двадцать пять градусов, не больше и не меньше, потому что круглый год радиация поддерживает такую температуру. Так что увеличение их численности населения пусть и медленно, начинает представлять угрозу для людей, да и драконов, живущих в нормальных условиях. И поэтому они беззащитны перед двухголовыми. Также говорят, что они уже напали на одного дракона вне своей зоны: подкрались к его пещере, выбили дверь, усыпили выстрелом из ружья с нервно-паралитическим ядом, связали и утащили к себе. А жители той деревни растерялись, когда узнали наутро, что случилось: то ли радоваться, то ли плакать... Так что единственный шанс у тебя пролететь невредимым над пустошью ночью, – наставлял Власика дракон-сосед, – потому что в это время они спят все как убитые. Кроме тех, что уходят на охоту в чистые районы. Тем более этот радиоактивный фон именно ночью завлакивает пустошь как бы пеленой, а утром рассеивается. Но всё равно надо быть осторожным – у мутантов хорошие зрение и слух, и на звук даже в темноте

ориентируются успешно. Тут есть одно средство, чтобы тебе пролететь без риска: пусть в деревне сошьют балахон, заглушающий шум от маха крыльев, ну а там уповай на удачу!

Это Власику всё подробно рассказал дракон, непонятно только, откуда у него была такая подробная информация... И ещё сказал одну очень ценную вещь, видно, догадывался (драконы, они всё-таки мудрые твари, не зря их некоторых выбирают в государственные органы управления), если у него девственница уже полгода живёт, а Власик и не собирается её кушать, как положено молодым драконам по закону, дракон-сосед сразу догадался, что это неспроста, он ему сообщил по большому секрету, что ходят слухи, что Солнце подействовало на них, и не только так, что их предки мутировали в драконов, но и наоборот, можно опять превратиться из дракона в человека, загвоздка только в том, чтобы дракона полюбила человеческая самка, а дракон-главкколдун знает какое-то очень важное заклинание, чтобы подопытный опять превратился в человека, и будто он уже опробовал его на одном драконе и превращение произошло успешно. Тут Власик вспомнил рассказ дяди, когда они пили настойку. За это Сообщество драконов и выслало его в глухомань и запретило принимать простых драконов, но всё равно, говорят, к нему летают, в основном молодёжь, за советами. А то что же это получится? Все молодые драконы пошлют их дозревать к человеческим поселениям, они там влюбятся в местных человеческих красавиц, все попревращаются

в людей – какой удар по престижу драконьей нации! «Какие-то жалкие презренные людишки, которым мы подарили на заре цивилизации так много полезных вещей, выше нас, что ли? Мы уже и за Заколдованную Стену, которую сами и создали от скверны тамошней технократической цивилизации, своих засылаем, они там под личиной, чтобы не раскусили, заняты на важных руководящих постах и в политике, и в бизнесе, и с местными олигархами налаживаем тесные контакты, а из-за каких-то человеческих самок и из-за любви, которую они внушают некоторым недорослям, всё пойдёт коту под хвост! Такого нельзя, чтобы произошло!» Ещё у этого дракона нашлись рисунки, какой балахон надо сшить с прорезями для крыльев, чтобы при полёте издавал минимум шума, он сам начертил на листке бумаги маршрут, по какому надо лететь к Лысой горе – жилищу дракона-чародея.

Всё это Власик, волнуясь, рассказал Маше, когда прилетел из соседнего уезда, тот дракон уговаривал его погостить два-три дня, а то, говорит, одному тоже иногда бывает тоскливо, хоть зря пламя жги в небо, летая над лесом и пугая зверей и леших с кикиморами.

– Они, кстати, меня очень боятся! Люди так не боятся, как они. А местные жители, прикинь, сосед, уже привыкли ко мне, я ведь уже восьмой год тут, что называется, дозреваю до кондиции, надоедают, особенно женщины, приходят за советами, даже не боятся, ведь у меня открылись способ-

ности к предвидению на ближайшие годы, что ожидает того или иного человека, вот и ходят, достают, особенно девицы. «Да кто у меня, господин дракон, будет жених в следующем году? Вот вам их фотографии. И вообще, будет ли? Да сколько детей от него родится?» И ведь не думают о том, что какая-нибудь из них после кастинга пойдёт ко мне на съедение! Вот люди какие удивительно безалаберные легкомысленные создания, особенно молодые девушки... да и не девушки, и не очень чтобы молодые тоже приходят.

И ещё перед тем, как Власик откланялся, сосед ему сказал:

– Подожди немного, ещё часа полтора-два, я сейчас войду в транс, и, если спроецируется твоя будущая жизнь, я её увижу у себя в голове на ближайшие несколько месяцев: получится у тебя то, что ты задумал, или нет.

Власик послушался соседа и терпеливо высидел перед ним три часа, когда дракон-визави, удобно усевшись в кресло, хлебнув вина, закрыл глаза и вошёл в транс. А когда открыл, сказал Власику:

– Счастливого пути, парень, дерзай и верь в свою счастливую звезду, если и в самом деле равнодушен к человеческой самке, тогда вас ждёт удача!

Власик, окрылённый таким напутствием, полетел в хорошем настроении и, волнуясь, всё рассказал Маше.

Теперь у них появилась реальная надежда.

Так они и решили, почти как на семейном совете, лететь

вместе после того, как ему сошьют балахон и как Маша освоит технику полёта у дракона на спине.

Сшили Власику за неделю балахон-накидку на крылья деревенский портной с подручными швеями – уж больно женщины в их селе были рады, что дракон не съел Машу, а, говорят, «втрескался» капитально, староста болтал, и засмеяли бывших Машиных ухажёров, дескать, вот это у Машки жених всем женихам жених, не чета вам, огрызкам. И разговоров было, что им попался какой-то не такой Дракон и что совсем не страшный. Слухами земля полнится.

Да и староста, образно говоря, подливал керосина в костёр:

– Прислали нам какого-то дефективного дракона, пугать никого огнём не пугает, хоть бы раз пролетел над деревней, полыхнул для порядка, чтобы люди видели, какой у них грозный дракон, девицу не ест, только стихи ей читает, типа Ушкина: «Я помню восхитительное виденье», вина не пьёт, табак не курит, не сквернословит, не дракон, а, тьфу, какое-то недоразумение!

Собрали рюкзак еды на несколько дней, а также балахон положили в отдельную сумку, Машину шубку; на высоте-то холодно будет ей. Устроилась она у Власика поудобнее на спине, за загривком, там больше всего ей понравилось, а перед тем, как лететь, они потренировались, десятка два раз полетали над лесом ночью, чтобы никто случайно не увидел. Слыханное ли дело, чтобы девица в качестве жертво-

приношения летала на драконе, он же не какой-нибудь списанный дегенерат-алкоголик. Да и Маше нужно было привыкнуть к такому виду передвижения, это не на лошади в лес за дровами (она не раз ездила с отцом), она сначала боялась садиться на Власика и лететь высоко в небе, выше леса, как птицы, хотя и не была трусихой, но потом напрактиковалась, освоила эту премудрость – полёт на драконе в любую погоду. Они и в дождь один раз летали, мало ли, когда полетят, какая будет погода, и даже летала с удобствами.

Выбрали они тёплую звёздную ночь, она приторочила к нему на спину рюкзак, котомку и сумку с балахоном и её одеждой и колчан со стрелами – отец принёс. Мало ли, за время полёта всего можно ожидать.

Власик ещё удивился:

– Ты и из лука стрелять умеешь?

– А как же, – ответила дева, – меня папка научил, я вместе с ним на охоту ходила.

Надела она два свитера и зимнюю шубку, а голову повязала пуховым платком – всё-таки на высоте пятьсот метров ледяные потоки воздуха, Власик взгромоздился на пенёк – «драконодром», как ему придумала название Маша, подставил ей ногу, как галантный кавалер, она забралась к нему на загривок, и они стартовали с пня не хуже искусственного летательного аппарата, только ветер засвистел в ушах у дракона.

Глава четвёртая

Старосте не спалось после того, как Маша его вызвала. Накануне к ней приходила матушка и Маша ей сказала, чтобы передала старосте придти в пещеру: есть срочное дело. Это тоже его злило, что теперь, кроме дракона, ещё надо подлаживаться и под его квартирантку, которую тот не съел, словно он у неё на побегушках, однако, когда шёл в овраг, сгорал от любопытства, что это за срочное дело.

Дело оказалось простым: передать соседу-старосте, чтобы тот узнал у своего дракона, когда можно Власику нанести ему визит.

– Да в любое время, – ответил сосед-дракон, – пусть прилетает хоть завтра, я всё равно тут со скуки умираю, будет с кем поболтать, распить бутылочку-другую.

Позже:

– Я всё удивляюсь, что это ты, сосед, за полгода ни разу в гости не прилетал, вроде рядом живём, лететь не больше часа, у нас, драконов на таком положении (уполномоченного губернатора со спецзаданием индивидуального человеческого селения от Сообщества драконов), так не принято.

Власик слетал к нему, всё разузнал, как видно из предыдущей главы, и приказал старосте, чтобы ему сшили накидки на крылья.

– Будет сделано, Влас Ихтиозаврыч! – отчеканил староста.

А сам подумал: «Зачем ему накидки на крылья или собрался куда-то лететь в них? Тут что-то не так».

И решил разузнать у соседа старосты:

— Братан, дело не терпит отлагательств, не поленись, сходи к хозяину сегодня, расспроси осторожно, зачем это мой птеродактиль недоделанный прилетал к твоему крокодилу в гутаперчевых перчатках, — так они злословили о своих драконах за глаза, — выпроси у него, зачем накидки на крылья, а за мной дело не станет.

Тот в свою очередь подпоил своего дракона и выведал у него, что Власик собрался лететь к дракону-чародею, а накидки нужны для безопасного полёта над Пастарианской пустошью, где живут двухголовые мутанты.

Тут надо сказать, почему Пантелеймон Спиридонович так болезненно этим интересовался и с особой страстью обслуживал и обхаживал Власика. Дело в том, что староста был довольно корыстолюбивый человек, что считалось в их относительно чистом мире (то есть чистом не только в плане экологии и разумного бережного отношения к природе, но и в плане человеческих мыслей относительно поклонения и любви к золотому тельцу и жажде быстро разбогатеть любыми способами) основным грехом. Даже весомее, чем серьёзные тяжёлые преступления. Только этот грех староста искусно скрывал от односельчан. Деньги любил уж больно сильно. (Кстати, ещё задолго, за сто тысяч лет до Рождества

Христова люди этого мира знали основные грехи человека, их просветили на этот счет древние славянские боги, а их перечислять не буду.)

И давно любил, только виду не показывал. Об этом и драконы хорошо знали, что вид огромной массы золота действует на людей странным образом – они делаются словно припадочные: начинают бить друг друга физиономии, если есть под рукой ножи, резать друг друга, и готовы душу продать вместе с домашними питомцами чёрному ангелу за обладание этим жёлтым тяжёлым металлом, и что излишнее фанатическое сребролюбие рано или поздно приводит человека ко всем тяжким грехам и разнообразным масштабным бедам. Они сами и подкинули эту религию золотого тельца в техномир людей-полумутантов в качестве эксперимента, посмотреть, что из этого получится. Эксперимент оказался удачным: за Заколдованной Стеной в мегагородах из-за слепого поклонения золоту и его денежному эквиваленту, а так же зависти, злобы и ненависти, порождённой этой страстью, процветали раздоры, конфликты и междоусобные войны за накопление и обладание как можно большим количеством золотых монет.

– Они там чеканят их на специальных станках, – рассказывал один селянин из соседней деревни. – А на площади городища Нью-Вавил-Она с населением два миллиона человек-полумутантов они из-за возросшей любви к золотому тельцу поставили ему памятник в виде полубыка-получело-

века (верхняя часть туловища такой была с рогами на голове), отлитым из бронзы с позолотой. Каждое воскресенье жители города собираются на площади и поклоняются ему, а один раз в три месяца приносят в жертву альбиноса-похентоса с жёлтыми глазами, он так жалобно стонет, когда его кладут на алтарь, они их специально разводят в инкубаторе, тоже полумутанты.

Этот селянин по вечерам в трактире, когда туда заходили после трудового дня односельчане пропустить по кружечке пшеничного пива или по стаканчику медовухи, вообще рассказывал удивительные вещи из жизни полумутантов-людей из городищ за Заколдованной Стеной. Он там незаконно работал гастарбайтером-слугой у одного богатого толстого полумутанта. У того жена была ещё толще, чем муж. И один ребенок – тоже толстячок. В городищах техномира за Стеной – один ребёнок в семье считается нормой.

– Так вот, жена этого полумутанта, чтобы слегка похудеть, даже жир откачивала с боков, живота и задницы, а заодно и убирала целлюлит. В специальной клинике лекари придумали для таких страдающих излишним весом баб. Кстати, насчёт баб... В городищах нет баб, то есть женщин, а дамы, если кто не знает.

– Брось заливать, Васька, – смеялись односельчане над рассказчиком. – А что такое дамы? И чем они отличаются от нормальных баб и женщин?

– Ну это... – Васька задумался, как лучше ответить. –

Это такие отталкивающего вида существа, чем-то напоминающие женщин, только к ним подходить страх берёт. И уж тем более не возникает мысли поиметь их как женщин. Как правило, это мужеподобные стриженные существа с боевой косметикой на лице, и такое создаётся впечатление, что между ног у них нет основного женского органа... Словно дырка с рождения зашита суровыми нитками... Ходят они преимущественно в штанах – джинсах.

– Что ж, удивлялись односельчане, – эти... дамы все одинокие?

– Нет, у некоторых есть мужья...

– А зачем им тогда мужья-то, если зашито между ног?

– Да там мужья-то... одно название, чисто для вида, для понта. Стерильные бобики со стёртыми признаками пола.

– Ха-ха-ха, – смеялись слушатели. – Вот врёт и не краснеет! К тому же, как ты говоришь, эти дамы жир откачивают... Где это видано, чтобы с живого человека, пусть хоть он и полумутант или мегаполисная дама, так себя уродовать – жир откачивать? Это же не воду из болота резиновым шлангом... Против природы идти – она потом накажет.

– Это ещё что, – рассказывал дальше Васька. – Там есть клиники, где бабам- дамам, недовольным своей внешностью, морды уродуют садисты-фокусники – они пластическими хирургами придумали себя называть, чтобы не испугать их сразу. Исправляют нос, когда дама недовольна шнобелем, если он у неё торчит, как клюв у баклана, а также уши и гу-

бы. А в губы, кстати, закачивают ботокс – такую химическую дрянь, чтобы они были очень пухлыми, словно пчёлы поку-сали. Там такая мода для молодых баб, которые ещё не пре-вратились в дам, чтобы губищи были о-го-го, сразу морда такая становится впечатляющая с надутыми на поллица гу-бами, что на всё остальное уже не обращаешь внимания. Та-мошные аборигены-полумутанты от этого балдеют, подписы-ваются в интернете на таких, с добровольно изуродованными мордами, баб: они им очень нравятся. И ещё, кроме губ, в та-ких клиниках тамошним дамам-полумутанткам, у кого тить-ки отвисли и дама недовольна таким положением вещей, им туда эти фокусники специальные силиконовые вставки засо-вывают, чтобы у такой модницы грудь была раздута, как два мячика, и не менее пятого размера! И полумутанты, у кого жена с такими дойками, балдеют, когда они идут в клуб, ему все завидуют... Это ещё что, – продолжал заливать рассказ-чик, – дамы там, у кого, конечно, есть деньги, у их мужей, вставляют силиконовые надутые прокладки не только в тить-ки, но и в задницы, у кого они в целлюлите или безобраз-ного вида. Такие дамы-полумутантки мало того, что от рож-дения неполноценны, деформированы окружающей средой, так ещё и наполовину изуродованы ботоксом и силиконом – с раздутыми губами, силиконовыми титьками и задницами. Кстати, они в Их мире полумутантов считаются почти этало-ном женской красоты – такая мерзость! Неужели полумутан-там приятно трахать таких полуискусственных монстров – я

вот всё никак понять не могу! Хотя, положи руку на сердце, они их и не трахают! Не могут по причине полового бессилия! Я, конечно, не считаю толстух, как жена моего бывшего хозяина: таким дамам не до внешней красоты, у них вся цель в жизни – как бы повкуснее и побольше поесть!

– Да врѣшь ты всё, Васька, – смеялись слушатели, – налей ему, Никодим, ещё стакан медовухи, может, ещё чего загнёт интересное. Рассказывал, что у этого полумутанта, таких там бизнесменами называют, у кого он служил, восьмикомнатная квартира в двенадцатиэтажном доме...

– Да, там полумутанты в городищах в таких уродливых панельных коробках живут, не все, конечно, в таких, а только у кого много золотых монет и бумажных денег, а бедность не чета нашей, у нас хотя бы никто не голодает, а там ещё и нищета; бездомные прямо на улицах в коробках живут, полупьяные бомжи, и никто им руку помощи не протянет... Вот какая там гнилая смаркотная цивилизация: доброты, чуткости и отзывчивости настоящей и в помине нет. А бедняки – рабы своих жирных стерильных хозяев, типа моего, имеющего, кроме элитной квартиры, загородный дом, четыре автомобиля и солидный счёт в банке золотых монет и денег, – живут в квартирах – так они с гордостью называют свои душные, пыльные, тесные, пропахшие кухней клетушки. Я был у одного в гостях, без слёз не взглянешь на эту квартиру: любой наш, даже бедный, дом в сто раз лучше квартиры. Вонь стоит в квартире, и даже не поймёшь,

от чего, сплошная химия: от ковровых синтетических дорожек, обоев, мебели. Ещё напрыскают дряни – там называемых освежителей воздуха. Постоянный шум от телевизора, бытовых приборов, шум с улицы от машин. И тоже промышленные запахи. Воздух, что, в квартирах что на улицах, тяжёлый, отравленный... И что самое удивительное – полумутанты этого негатива и шумового пресса не замечают, привыкли к нему и даже жить не могут без него... У моего хозяина по телевизору в каждой комнате работает круглосуточно: его толстая жена, постоянно чего-то жрущая, жить без этого не может, чтобы не работал телевизор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.